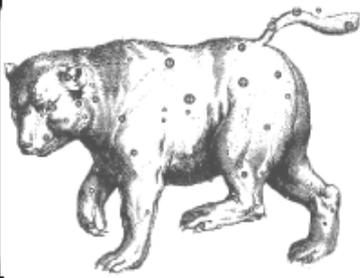
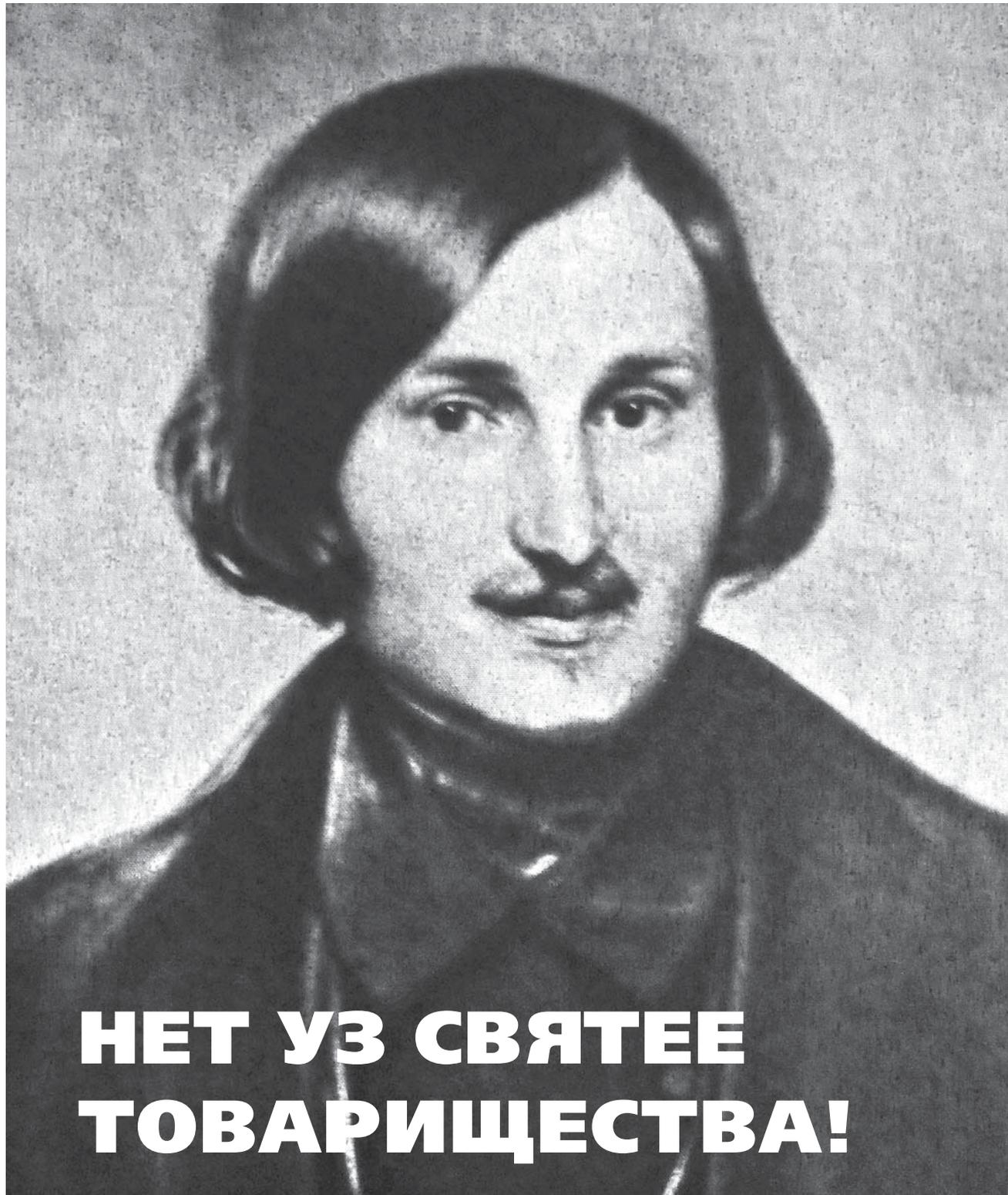

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№2(21) МАРТ-АПРЕЛЬ 2009

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА!

Эти слова принадлежат великому русскому писателю, гордости мировой литературы Николаю Васильевичу Гоголю, чье двухсотлетие со дня рождения мы отмечаем этой весной.

Не все гладко было у Николая Васильевича при жизни. Не все гладко складывается и в отношении к его творческому наследию. Скажем, в начале девяностых, когда у нас в стране ошельмовывалось абсолютно все, что имеет отношение к национальной гордости, в одном областном книжном издательстве собрались было издать том произведений Николая Васильевича. Собрались, но не издали. А когда после все-таки издали, то не в том содержании, как было задумано первоначально. Камнем преткновения стала повесть «Тарас Бульба», которую когда-то изучали в советской школе. Ей было инкриминировано не много не мало, а разжигание межнациональной розни. Логика этих запретителей была проста и убийственна в своей простоте. Любой национальной литературе можно было говорить о лучших чертах своего народа. Русской литературе — нет. Говорить про русскую лень, русское невежество, русское пьянство — это, пожалуйста. А размышлять о лучших чертах русского наро-

да — это имперские амбиции, шовинизм. Следуя этой логике, получалось, что Чичиков, Плюшкин, Ноздрев, Собакевич и Хлестаков — вот истинные образцы русского народа. А Тарас Бульба — не лучший образец. Он — поджигатель.

А между тем, напиши Николай Васильевич Гоголь только одну эту повесть, он бы все равно вошел в анналы русской литературы, потому что эта повесть, как и вообще все его творчество, сопутствует русскому человеку всю его жизнь с детства до старости и учит не ксенофобии, не ненависти к чужому народу, а тому замечательному, самому крепкому чувству, что связывает отдельных людей в народ, — учит товариществу.

Именно это товарищество — даже прежде любви к литературе и служения литературе — хочется посредством наших совещаний, посредством общей нашей работы на благо великой многонациональной Родины, привить молодым литераторам. Ибо, сколько бы ни был труд литератора трудом одиночки, он невозможен без любви к ближнему, без чуткого отношения к прошлому и будущему, без осознания себя маленькой частицей великого товарищества, имя которому НАРОД.

В номере

НАВСТРЕЧУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ
СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ В СУРГУТЕ С. 4-6

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ
С. 2-3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ:
САЛИМ ФАТЬХОВ
О СМЫСЛАХ И СЛОВАХ С. 7-9

В ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗАХ:
ХУДОЖНИК ЛБАРАНОВ С. 9

КРИТИКА С. 10-11

СТИХИ И ПРОЗА
МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ
С. 12-15

ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ С. 16

ПАРОДИИ С. САЛДАЕВА С. 16

МОСКВА

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Президент России Д.А. Медведев своим Указом №134 от 6 февраля сего года наградил писателя Кердана Александра Борисовича Орденом Дружбы.

Этой награды координатор Ассоциации писателей Урала и секретарь правления Союза писателей России Александр Кердан удостоен за большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства и многолетнюю плодотворную деятельность.

Как считает сам награжденный, орден — знаковая оценка деятельности Ассоциации писателей Урала, на протяжении своей почти десятилетней истории сделавшей немало для укрепления дружеских связей между писателями Урала, Поволжья и Западной Сибири, вносящей значительный вклад в развитие многонациональной отечественной литературы.

Соб. информ.

НА СЪЕЗДЕ МСПС

Медоточиво лились речи на очередном отчетно-выборном съезде Международного сообщества писательских союзов (МСПС), проходившем в столице России в феврале 2009 года. И правда, как было не порадоваться встрече писателей бывших братских республик. С отеческим волнением прозвучало приветственное слово главы содружества Сергея Владимировича Михалкова. Он напомнил собравшимся о славных традициях в жизни литераторов нашей страны, призвал крепить узы братства, ибо настоящее братство не знает географических границ. С отчетным докладом выступил И.И. Переверзин. Какие же задачи ставит МСПС на ближайшие годы?

В первую очередь — совершенствование издательской деятельности.

Так, перспективный проект предлагает Беларусь — выпуск 50-титомного собрания классических произведений писателей РУСИ (Беларуси и России).

Вторая задача — сохранение и развитие переводческой школы. Не секрет, и об этом не раз говорили на съезде, что произведения многих писателей Кавказа, Средней Азии раньше получали высокую оценку, признание и широкую известность только после перевода на русский язык.

Так же планируется проведение различного рода совещаний и симпозиумов по проблемам современной литературы, в том числе декады литературы братских стран. МСПС собирается активизировать продвижения долгожданного Закона о творческих союзах. Здесь есть чему поучиться высшим руководителям нашей страны у соседей. Например, одним из пяти приоритетных направлений социально-экономической деятельности Казахстана названа КУЛЬТУРА. Писатели Таджикистана имеют такие привилегии и льготы, что нам, русским сочинителям, остается только вздыхать. В прениях делегаты съезда рассказывали о достижениях своих литератур, вносили полезные предложения по укреплению связей в рамках МСПС. Не обошлось, к сожалению, без негатива. На съезд не были допущены два делегата (Ф. Кузнецов и Г. Зайцев) в связи с их особой позицией по отношению к руководству Литфонда. В знак солидарности с «изгоями» не захотел войти в зал и главный редактор «Литературной газеты» Ю. Поляков. При унылом молчании делегаты выслушали категоричное заявление представителя Казахстана, рассматривающего серьезные недостатки в современном руководстве МСПС. Делегат от Молдавии В. Мунтяну вообще заявил о не легитимности съезда. В целом работа исполкома МСПС была признана удовлетворительной. Но вот беда: не станут ли три обстоятельства, обозначенные выше, продолжением раздора противоборствующих сторон?

В своем вступлении на съезде я выразил мнение многих писателей, живущих в провинции: московские «драки», бесконечные суды, затратные конференции и скандальные публикации в центральных газетах — все это идет во вред всему писательскому сообществу, и нам, провинциалам, компрометирует высокое звание ПИСАТЕЛЯ. Я просил включить в план работы нового исполкома МСПС вопрос о защите региональных писательских гнезд, областных домов писателей. Не дожидаясь пресловутого закона, принять правительственное постановление о статусе домов (офисов, особняков), где традиционно и благополучно размещались эти очаги культуры в прежние годы.

Апофеозом прощального банкета на съезде стала песня «Как упоительны в России вечера», прозвучавшая в темпераментном исполнении ее автора Виктора Пеленягрэ. Ему дружно подпевали хором, как и полагается на братском застолье.

Владимир БЛИНОВ

НИЖНИЙ ТАГИЛ

ДЕТСКАЯ КНИГА И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

10–11 февраля 2009 года в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии состоялась научно-практическая конференция на тему: «Детская книга в современном культурно-образовательном пространстве». На конференции присутствовали авторы, студенты, преподаватели, библиотекари и журналисты. К слову сказать, и тем, предложенных для обсуждения на секционных полигонах, оказалось призрачное количество — общим числом более семидесяти, что, в общем-то, не охладило пыл собравшихся. Работа оказалась вполне плодотворной, а ряд секций, возглавляемых такими мэтрами слова, как Ксения Молдавская (журналистка «Книжного Обозрения») и Марина Иваншина (Областная библиотека для детей и юношества), прошли и вовсе «на ура». По итогам конференции ректор Академии подчеркнул, что тема детской литературы в сегодняшние дни занимает особенно важное значение и выдвинул предложение устраивать подобные конференции ежегодно.

Соб. инф.

ЕКАТЕРИНБУРГ

УРОК ЧЕСТИ И МУЖЕСТВА

Читательская конференция по повести Арсена Титова «Товарищ Че и боженька» прошла 26 февраля в Свердловской областной библиотеке для детей и юношества. Повесть не случайно привлекла организаторов конференции и ее участников — учащихся 168 школы Екатеринбурга. Ее отличает органичное переплетение разных пластов жизни, человеческих судеб, неожиданная композиция. На сравнительно небольшом пространстве автор сумел показать, как трудно человеку найти себя в армии, на войне — и как не менее сложно найти свое место в мирной созидательной жизни. По выражению одного из читателей, «автор неожиданно совместил темы «войны» и «любви». Эпизоды так тесно связаны и так проникают друг в друга, что повесть захватывает — не оторвешься.

Острый заинтересованный разговор, в который вовлекли молодых читателей автор повести Арсен Титов, его друг, известный поэт, полковник Александр Кердан и учитель-словесник, кандидат педагогических наук Евгений Александрович Жуков — быстро вышел за рамки обсуждения книги. Это была удача — так быстро и так точно найденная писателями интонация в обсуждении проблем «любви и войны» с учащимися десятых и восьмых классов. И быстро ушло некоторое напряжение организаторов — повесть-то «детская» и Арсен Титов впервые пришел в эту юную аудиторию. Разговор показал — хорошая литература доступна для читателей любого возраста, и новая повесть Арсена Титова — по плечу ребятам. Вызвало уважение стремление юных читателей оторваться от кратких оценочных высказываний, осмыслить значение отдельных деталей, эпизодов — и высказать автору неприятие каких-то моментов повествования. Чего стоит одно обсуждение смысла названия — сколько значений нашли ребята в четырех словах, и ведь все они в чем-то соответствовали мыслям автора. Как и в других книгах Арсена Титова, на поставленные вопросы в повести нет однозначных ответов. Это поняли все, кто был на встрече. А еще поняли, что им вместе очень интересно. Ребята — что им интересна такая литература и такие писатели. А писатели — что читатель у них подрастает замечательный. Надо только не опоздать на встречу с ним.

Антонина ВОДАТУРСКАЯ

КИРОВ

ИТОГИ ПОДВЕДЕНЫ

В конце февраля в Кировском областном отделении Союза писателей России прошло отчетное собрание, на котором вятские писатели подвели итоги своей работы за минувший год. В своем докладе председатель правления Валерий Фокин отметил, что на Вятке действует сильная писательская организация. Это определяется не только тем, что здесь творят такие известные литераторы, как Светлана Сырнева, Андрей Логвинов, Александр Клиндухов, Елена Наумова, Руслан Кошкин и другие, но и проведением Межрегиональных литературных чтений памяти Заболоцкого, Короленко, Куваева, вручением литературных премий имени Аркадия Филева, Овидия Любимикова, Александра Грина.

Особенно была отмечена в его докладе работа с молодыми литераторами: деятельность кирово-чепецкого клуба «Поиск», литобъединений в Зуевке (руководитель Алексей Елькин), и в Оричах (руководитель Леонид Бажин), в Кильмези (Владимир Лешуков), в Лебяжье (Геннадий Лучинин), в Свече (Эдуард Кулаков). Новым явлением стало межрайонное творческое объединение — МТО «Златоуст» со своим Уставом, в которое вошли литераторы Даровского, Котельничского, Орловского, Свечинского и Шабалинского районов. МТО «Златоуст» провело литературную конференцию в посёлке Ленинское и издало первый коллективный сборник «Рябиновый листопад».

В.Фокин подчеркнул, что в отличие от многих писательских организаций кировская остаётся цельной, сплочённой, и целенаправленно работающей по укреплению единства и писательского братства. Девизом вятских литераторов остаются слова Владимира Крупина: «Нас сразу объединила главная наша любовь — любовь к единственной Вятке, объединила преданность русской словесности и вера в то, что вятская школа прозы и поэзии — не пустые слова, что она ещё заставит о себе говорить и исповедовать её принципы».

Соб. информ.

ЧЕЛЯБИНСК

КНИЖНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Будни литературного Челябинска ознаменовались выходом целого ряда книг и серий презентаций.

Поэтический сборник Ирины Аргутиной «Четыре степени свободы» вышел в свет в издательстве В. Феркеля «Цицеро». Пятая книга поэтессы представляет стихи 2006–2008 гг. и пьесу в стихах «Помни о жизни», а также «Итальянские пасторали». В этой книге Аргутиной ещё отчётливее стали уже характерные для автора открытый разговорный тон, рваный и эмоциональный, живая упругость речи:

*Дорога в Керчь — стрела над степью,
Такой, что всю бы
Стерню спалить — и можно сеять
Драконы зубы...*

Презентация сборника прошла в Челябинском доме писателей.

«Шурка священной Дзурикеллы» Николая Бодрова — долгожданная для заинтересованных читателей книга фантастики, в которой пируют изящный юмор и вольная фантазия автора. Этот сборник рассказов также вышел в издательстве «Цицеро». Николай Бодров — один из руководителей литературного клуба НЛО, объединившего фантастов Челябинска и Магнитогорска. Первой книгой Бодрова стал поэтический сборник «Неявный минор» вышедший несколькими годами раньше, рассказы публиковались только в литературной периодике. У автора совершенно особенный стиль, придающий придуманным обстоятельствам лёгкость и достоверность.

Издательство «Абрис» Михаила Гитиса выпустило в свет уникальное издание: краткий справочник **«Историческое краеведение» (авторы Н. Б. Виноградов, М. С. Гитис, В. М. Кузнецов)**, книгу из серии «Познай свой край». История «Челябинского Урала», как сказано в аннотации, отражена в познавательных текстах, таблицах и иллюстрациях, приведены официальные символы Челябинской области и муниципальных образований, хронологический указатель событий. Основной адресат книги — учащиеся 6–9 классов. Книга лаконична и в то же время максимально насыщена фактами, каждый из которых может быть развернут на главу и более. Однако цель справочника — панорамный обзор времени и пространства Южного Урала, мини-энциклопедия, выстроенная хронологически, оснащённая картами, схемами и фотографиями, в ней приводятся историческая топонимика и словарики... Справочник выходит за пределы узкой возрастной адресации — его с интересом прочтут и педагоги, и родители, и все те, кому небезразлична история родного края. С художественной точки зрения нужно отметить, что книга имеет свой стиль, она очень динамична и современна. Начало XXI века, несомненно, время энциклопедий и справочников. Создателям книги «Историческое краеведение» удалось сжать информацию, как пружину, а это всегда заставляет возвращаться к подобным темам в более подробном изложении — что и требуется в рамках бесконечного образовательного процесса по имени «жизнь». Остаётся упомянуть, что в серии «Познай свой край» издательство «Абрис» уже выпустило книги по географическому, топонимическому, литературному краеведению.

Необычная книжная новинка увидела свет в серии «Академическая муза» Челябинской государственной академии культуры и искусств. Книга **Марии Лукиной «Звенящий горизонт»**, выпущенная к 40-летию академии, посвящена авторской песне. Автор — очевидец, собеседник, участник истории удивительного явления, объединившего поэзию и музыку в единое целое и придавшего этому союзу совершенно особый тон искренности, открытости и подлинности чувств, без которых человек, принадлежащий к русской культуре, просто не мыслит своего существования. Статьи, очерки, эссе М. Лукиной, фотогалерея, тексты популярных и малоизвестных песен... Всё это делает книгу такой же пёстрой, живой, непосредственной, как и сам жанр, о котором рассказывается. Целая галерея портретов проходит перед читателем в текстах самого разного толка: впечатлениях, интервью, энциклопедических страничках. Презентация книги прошла в Концертном зале им. М. Д. Смирнова (в ЧГАКИ авторская песня прописалась давно, со времён института культуры), собрав поклонников, студентов, гитаристов из челябинского клуба «Моримоши». Прошли времена, когда авторскую песню запрещали, теперь её, скорее, меньше замечают, но она выдержит и эти испытания, ведь душевная чистота и искренность, камертон авторского творчества, — качества вневременные.

В городской библиотеке А. С. Пушкина состоялась презентация **пятитомного Собрания сочинений К.А. Шишова**. На встрече присутствовали читатели, библиотекари, педагоги, коллеги-писатели. Практика представления новых книг именно в библиотеках становится всё более распространённой в Челябинске, и Пушкинская библиотека в этом смысле одна из самых активных. Недавно она отметила своё 90-летие, в ней одно из богатейших собраний книг местных авторов. Обсуждение издания Шишова вылилось в разговор о современности, о проблемах культуры, об истории города, в котором автор живёт с рождения, наблюдая и осмысливая реальные судьбы Челябинска и горожан.

Нельзя не упомянуть и ещё об одном событии: **Челябинской областной универсальной научной библиотеке исполнилось 110 лет**. Старейшая, но и самая современная (сейчас завершается капитальный ремонт и модернизация) библиотека области выпустила к своему юбилею большую календарь, подготовила ряд праздников, главный из которых состоялся в Концертном зале имени Прокофьева. ЧОУНБ — один из инициаторов и организаторов ежегодных книжных ярмарок на пешеходной улице Челябинска — Кировке, которая в День рождения города целиком отдана библиотекам, издательствам, авторам. «Публичка» организует и проводит конкурс книжной продукции «Южноуральская книга», лауреатами которого становятся лучшие издания области. Это информационный и интеллектуальный центр города. Книжное собрание библиотеки не помещается в старом здании, уже готов проект нового корпуса, и хочется пожелать Челябинску, чтобы новый книжный юбилей отмечался уже в новом здании.

Нина АЛЕКСАНДРОВА

УВЕЛЬСКОЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

КУНИЦЫНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Методист Увельской районной библиотеки Галина Деенкова и южноуральский поэт Юрий Елизаров стали инициаторами и организаторами этого фестиваля. Почти год ушёл на подготовку, и увельская районная библиотека собрала под своей крышей «родственные души» всей округи.

Кроме членов увельского и южноуральского литобъединений, на фестиваль прибыли делегации троического литобъединения «Степь», еманжелинской «Элегии» и пластовских «Россыпей».

Педагоги многих школ районного центра и близлежащих сёл пришли с одарёнными ребятами, чьи поэтические опыты уже отмечены на районных и областных конкурсах «Серебряное перышко».

Литераторов поприветствовала директор библиотеки Т.А. Мишланова.

К фестивалю был подготовлен видеоряд, рассказывающий о жизни и творчестве Александра Куницына, о его роли в зарождении литобъединения «Огонёк», в подготовке «Литературных страниц» в районной газете. Демонстрация сопровождалась чтением стихов замечательного поэта, написанных им на увельской земле: Вот и день уже прожит /И полночная глушь /Вся-то жизнь наша, может, — / Поиск Родственных душ. / Отчего же покоя / Нет в полночной тиши?/Не нашёл никого я,/ И меня не нашли».

Анатолий Белозёрцев рассказал о деятельности возглавляемой им организации. Члены Союза писателей России Николай Година и Михаил Шанбатуев — о своих встречах с Александром Куницыным.

Участники форума познакомились с творчеством челябинского поэта Игоря Ильиных, а также со стихами увельских школьников, которые делают в литературе первые шаги. В заключение поэты-профессионалы провели мастер-класс, дав оценку представленным поэтическим и прозаическим произведениям. Лучшие из них были отобраны для публикаций в коллективных сборниках и альманахах.

Подводя итоги, Юрий Елизаров сказал, что поставленные задачи фестиваль выполнил и организаторами принято решение сделать его ежегодным и «кочующим»: очередной фестиваль пройдёт в Южноуральске, а в 2010-м году — в Троицке.

Георгий КОРСАКОВ

МОСКВА

ПАМЯТНЫЙ КОНЦЕРТ

19 марта в центральном Доме актёра имени А. А. Яблочковой при полном аншлаге состоялся вечер памяти собирателя старинного русского и цыганского ромansa, заслуженного артиста России Анатолия Титова.

Известный актёр Московского музыкально-драматического цыганского театра «Ромэн» Анатолий Титов ушел из жизни летом прошлого года. Он являлся создателем столичного клуба ромansa «Хризантема» и несколько лет тому назад входил в состав жюри Всероссийского конкурса русского ромansa, в котором принимала участие и Яна Чабан — солистка концертной группы Ассоциации писателей Урала. Анатолий Титов отметил тогда необыкновенно искреннюю манеру исполнения уральской певицы, ставшей лауреатом конкурса.

Теперь Яна Чабан и ее концертмейстер Елизавета Шубина оказались единственными представителями Урала на этом концерте. Там Яна Чабан с успехом исполнила несколько романсов, вошедших в сборники, составленные Титовым. Особым успехом у публики пользовались романсы «Две розы» и «Как странно», ранее исполняемые знаменитой Изабеллой Юрьевой. Не остался незамеченным и романс уральского композитора Александра Пантыкина «Светла судьба».

После концерта член редколлегии нью-йоркского еженедельника «Русская Америка» Лола Звонарева вручила Яне Чабан диплом этого престижного издания и всеамериканского радио «Надежда» за пропаганду русского ромansa.

Анна АРЕФЬЕВА

Поэт, кандидат культурологии Нина Ягодинцева: КООРДИНАТЫ СМЫСЛА

Море информации вокруг нас впору назвать разлитым. И его всё больше штормит... Единственная возможная точка опоры — это ты сам. Единственная возможность сориентироваться в настежь открытом пространстве — это обращение взгляда к неизменному, незыблемому. Единственный верный компас — твой инстинкт истины. Будем последовательны: сначала попробуем сформулировать, что есть писательство, а затем — в каких условиях оно сегодня реализуется.

Кодекс профи

Вопрос о том, как состояться в литературе, — центральный практически для каждого молодого автора. И это вполне естественно: ведь в молодости многим даётся недюжинный потенциал, жизненный и творческий. Проблема только в том, как реализовать его, какую выбрать стратегию.

В выборе стратегии одних ведёт интуиция, другие следуют образцам, на их взгляд достойным подражания, третьи реализуют некие усреднённые бытовые стереотипы «писательского» поведения (вливаются в «богему», «контркультуру»), а есть и такие, кто вообще живёт «как сложится».

Но мало кто задумывается: а что за занятие — писательство, в чём его суть, зачем оно вообще существует, почему его то возносят до небес, то смешивают с грязью, то объявляют бесполезным, то выставляют на «раскрутку» и распродажу? И уж вообще никогда не говорится о том, что специфика писательского труда есть результат особенного отношения к своему делу, особой оценки окружающей реальности, особой ответственности за слово — и, как следствие, особой жизненной стратегии. Всё происходит как бы само собой, стихийно, и воспринимается как данность. Но на деле, в реальной жизни, молодой человек, зачастую даже не успев понять, что произошло, попадает в тупик, ловушку, кризис — и, к сожалению, во многих случаях оплачивает своё неведение и невольные ошибки талантом, судьбой, самой жизнью.

Почему эта страшная плата за талант воспринимается как нечто неизбежное, подобные трагедии возводятся в ряд романтических мифов, и даже порой сам талант оценивается не по созидательной своей силе, а по разрушительным последствиям роковых ошибок? И почему весёлое мужество писательского труда представляется большинству либо мрачной трагедией, либо пошлым анекдотом?

Ответ на все эти вопросы довольно прост: оценки, трактовки, мнения о писательстве исходят преимущественно из бытωσης среды, бравирующей своим неведением, падкой на мистику и ужасы — и обожающей комиков. Писательство — труд сугубо индивидуальный, закономерности этого вида деятельности выводить мало кто решает, ведь у каждого профессионала они свои (добавим в скобках: у тех, кто выжил, не попал в тупик или ловушку и всё-таки стал писателем). А обыватель — он ведь масса, он всё обобщает на уровне своего понимания и тиражирует пропорционально своему количеству. Вот и получается, что молодой человек, вступая в литературу, откровенно говоря, понятия не имеет, во что он ввязывается.

Мы рискнём сформулировать главные, наиболее общие постулаты «кодекса профи», поскольку сегодня они

жизненно необходимы тем, кто решил посвятить себя литературе. По ходу размышлений придётся коснуться и ряда опасных бытовых мифов об этой профессии. Начнём с главного.

1. Литература — самовыражение или модный бизнес? Из постановки вопроса уже понятно, что ни то, ни другое. Самовыражение в литературе бессмысленно, если оно не несёт в себе общественно значимого нового. Хороший бизнес на литературе можно построить, только если пичкать обывателя его любимыми бесконечно однообразными сказками о прекрасной и роковой любви, загадочных происшествиях и ужасах криминала, ведь конечная цель нормального бизнеса — прибыль.

Цель литературы — осмысление существующей реальности и смыслообразование, моделирующее реальность новую. Категория «обыватель» в этой деятельности стирается: осмысление обращено к каждому человеку, его личности, стремящейся к пониманию мира и себя в мире. Пробудить в человеке человеческое, направить его к добру и сотворчеству — сверхзадача этого вида духовной деятельности.

Глубоко индивидуальное видение писателя освещает эмоциональное восприятие, являет новый образ мира, его черты и краски, воссоздаёт событийные варианты.

А теперь представьте народ без литературы: это слепой народ, не способный понять, что происходит сегодня и чего ожидать завтра. И жить такой народ будет очень плохо, но недолго.

2. Писатель — профессия или хобби? Профессия обяывает зарабатывать деньги путём создания литературных произведений. То есть соответствовать ожиданиям почтеннейшей публики (см. выше). Хобби — безобидное занятие, поглощающее энергию, остающуюся у обывателя от изнурительной ежедневной борьбы за спокойную жизнь. Образно — крохотная «форточка» в мир свободного творчества.

Литература забирает человека целиком, требует полной самоотдачи, полной реализации индивидуальности. Это служение. Оно отнимает человека у быта, не позволяет делить жизнь на «работу» и «дом». Есть целый ряд подобных общественно важных профессий: священники, военные, государственные деятели, врачи, учителя...

Ценность подобной деятельности измеряется не суммой гонорара: это спасённые, наставленные, воспитанные, просвещённые соотечественники, современники. Служение — работа, благодаря которой народ выживает, развивается, процветает. Вопросов только два: как относятся люди названных профессий к своему делу — и насколько общество ценит и уважает их деятельность?

3. Реальность — расцвет или катастрофа? Обе противоположные оценки

современной нам действительности имеют под собой определённую почву. С одной стороны, широчайшие возможности тиражирования и распространения литературных произведений, безграничная свобода слова, доступность информационных ресурсов и пр.

Но с другой — катастрофическое смещение нравственных и эстетических норм. Любая норма уже рассматривается как ограничение. Культуру долой, потому что это система запретов! Нравственность долой, потому что она ограничивает наши желания! Красота надоела, она скучна: нужно что-то новенькое, пусть даже безобразное! Известный постулат «Делай что должно — и будь что будет» гуляет сегодня в новом варианте: «Делай что хочешь — и будь что будет!». Чувствуете разницу? А если это говорит врач? Учитель? Государственный деятель? Защитник Отечества? Писатель... Реальность, в которой службы спасения, лечения, просвещения всё больше становятся бизнесом.

И почти никто не говорит сегодня о том, что эти нормы — не прихоть и не культурные реликты, а основа выживания, законы, которые человечество выработало на протяжении всей своей истории ценой многих жертв.

Не расцвет и не катастрофа — **нам выпало время гуманитарного кризиса, время, когда колоссально возрастают риск и ответственность каждого за судьбу всех.** Поэтому мы снова и снова повторяем, что такое литература, что такое писательство, ибо эти прописные истины либо утрачены, либо чудовищно искажены.

4. Свобода — для себя или для всех? И вот что интересно: любые попытки разговора о нравственном фундаменте литературного творчества расцениваются сегодня как прямое цензурное вмешательство, ограничение прав творческого человека. Всё больше свободы самовыражения, входящей до вытряхивания из тёмных уголков души самых неприглядных, недостойных, самоубийственных мыслей и чувств.

Но когда общество не в состоянии организоваться на основе культуры, жёсткая идеология и цензура становятся неизбежной необходимостью для выживания народа! Этот урок из истории XX века уж нам бы надо усвоить крепко — сколько за него заплачено жизней! Именно отсутствие внутренней, личной ответственности формирует в обществе, желающем выжить, инструменты внешнего контроля — вплоть до диктатуры. Или народ уходит с исторической арены вместе с языком, культурой, памятью...

Следовательно, **свобода писателя — это чёткое ощущение внутренней ответственности за свои слова, за создаваемые произведения — «смысловые маяки» жизни.**

5. Стратегия — победить или хотя бы выжить? Есть два простых принци-

па безопасности: в благополучии не расслабляться, в кризисе не паниковать. Сегодня они актуальны оба одновременно: материальная сторона нашего бытия более-менее располагает к благодущию, создаёт иллюзию того, что нам ничто особо не угрожает, в то время как духовная сторона того же самого бытия разрушается с нарастающей скоростью.

Множество раз в истории повторялись ситуации, когда угроза материальному существованию вызвала мощный духовный подъём, и кризис преодолевался (вспомним хотя бы наши Отечественные войны минувших веков). Но множество раз повторялся и другой сюжет: духовный распад при относительно материальном благополучии. И всегда это заканчивалось крахом государства и гибелью народа.

Мы выживем, только если победим.

Очень важно, чтобы каждый идущий в литературу молодой человек понимал, что его личное творчество, тот дар, которым он обладает, — не столько дар, сколько поручение, и в какой мере удастся его выполнить, в той мере и состоится талант. Дар-поручение не бывает случайным, он безусловно необходим в сложно и тонко организованной системе бытия. Это как раз та ситуация, когда общественно значимое рождается как личное, индивидуальное — и потом должно вырасти до всеобщего. И если поручение останется не выполненным, вряд ли кто-то другой сможет полноценно восполнить эту утрату.

Предлагаемые обстоятельства

Проблемы современной литературы находятся в одном ряду с проблемами искусства, науки, образования. И для того, чтобы оценить их в полной мере, необходимо увидеть картину времени в целом.

Эпоха, в которую мы живём, повергает в изумление всякого мало-мальски думающего современника. Количество культурного опыта и технологические возможности его распространения обратно пропорциональны востребованности культуры. Подавляющее большинство средств массовой информации бесконечно тиражирует зрелища убийств и разврата. Управленческие решения в сфере социальной и культурной политики противоречат очевидным потребностям развития общества. Элементарный здравый смысл и житейская опытность уходят отовсюду. Наступает хаос.

А ведь нас предупреждали ещё на заре массового производства, в се-

редине XIX века: недалеко время, когда ведущей и определяющей силой социума окажется «маленький человек», полномочный представитель массы, так называемого «Великого Среднего». Именно в таком мире мы сегодня и живём. С точки зрения «человека толпы» он вполне логичен и неплохо обустроен, и то, что мы воспринимаем как абсурд, для него просто удобный порядок вещей. Говоря о «человеке толпы», мы имеем в виду вполне конкретные психологические качества.

Что характерно для человека толпы, представителя массового сознания, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился? Самая главная его характеристика — противоречивость, обуславливаемая совершенно противоположными страстями, которые буквально раздирают его на части, но, с другой стороны, хаотические усилия не дают сдвинуться с места и быстро вызывают усталость и апатию. Это **первый бинер** (неразрывная двойственность) массового сознания.

Бинер второй. «Маленький человек» вопиюще несамостоятелен и нуждается в неких «образцах», кумирах. Но наличие кумиров вносит в его внутренний мир существенный дискомфорт, занижает обывательскую самооценку. Поэтому кумиры нужны, но они подлежат разоблачению, ниспровержению и осмеянию.

Бинер третий. «Маленький человек» нуждается в комфорте, покое и стабильном благополучии. Но, получив всё это, он теряет ощущение полноты жизни. Пробудить хоть ненадолго этот «сон разума» способны только новости катастрофического характера. Поэтому человек толпы живёт под девизом «пусть весь мир летит к чертям, лишь бы у меня было всё хорошо!» и не понимает, что это невозможно в принципе.

Бинер четвёртый. «Маленький человек» требует доподлинной информации о происходящем вокруг, но поскольку не доверяет никому, охотнее всего пользуется слухами и сплетнями. Он отчаянно нуждается в обновлении впечатлений, но столь же отчаянно боится всего качественно нового, способного изменить его жизнь, — поэтому восхищается только формальными новшествами и особенно требует наличия их в искусстве. Основной эмоциональной пиццей для человека толпы являются сенсации.

Бинер пятый. Человек толпы любит на досуге решать судьбы мира, но никогда и ни за что не принимает на себя ответственность. Его легко напугать птичьим гриппом, денежной реформой или прилётом инопланетян. Испуганная толпа — страшная сила, но опытные загонщики легко направляют её устремление в нужную сторону.

Бинер шестой. Будучи абсолютно не способным приспособливаться к стремительно меняющемуся миру, «маленький человек» подгоняет всё — политику, экономику, искусство — под свой лилипутский «размер». Поэтому великое в его мире низменно, а возвышенное смешно.

И, наконец, **бинер седьмой.** Человек толпы считает себя венцом творения, но старательно лелеет свои тайные слабости: стяжательство, распущенность, душевную лень. В результате маленькие слабости становятся большими и норовят обрести культурный статус, стать субкультурой, нетрадиционной культурой, «авангардной» культурой, контркультурой и пр.

Перечисленных противоречий (хотя это далеко не всё) вполне достаточно, чтобы увидеть: да, постсоветский мир — это мир человека толпы, где литература с её нравственными поисками, анализом настоящего и проекцией будущего воспринимается не просто как бессмысленное занятие — от неё исходит очевидная угроза массовому сознанию: ведь литература заставляет сопереживать, думать, изменяться... Она показывает большие последствия маленьких слабостей, взывает к совести, наконец...

Но перечисленных противоречий достаточно и для того, чтобы понять: социум, выстроенный «под маленького человека», абсолютно нежизнеспособен: он стремительно разъедает пороками, он не может развиваться, он абсурден и катастрофичен. Это цивилизационный тупик, из которого не удалось выйти ещё ни одной культуре. Приглядитесь к истории: развивается цивилизация до минимального обеспечения потребностей толпы — и гибнет от апетитов и страстей раскормленной массы потребителей, воспроизводящих преимущественно свои потребности.

Таковы сегодня неумолимые обстоятельства, в которых протекает литературный процесс, процесс социальной значимой рефлексии. Эти же противоречия наличествуют и внутри самой литературы, существенно осложняя и без того трагическую ситуацию. Все семь бинеров невооружённым глазом наблюдаются в так называемой «актуальной» литературе, которая делает ставку на хаос, разрушение жизнеобразующих смыслов, ниспровержение классики, формальные изыски, скандальность, безответственность и распухлость. Получается, что сегодня одновременно существуют две литературы: традиционная, так или иначе нацеленная на решение нравственных задач, и «новая», обслуживающая потребности обывателей, ориентированная на «самовыражение» в самом печальном понимании этого слова. И оба взаимоисключающих занятия называются одинаково: литература.

Человеку толпы ближе и понятнее «самовыражение», он его и поддерживает, делает имена и тиражи тем, кто «самовыражается» на полную катушку, усугубляя хаос и абсурд происходящего. Представитель массы не понимает, куда, почему и зачем движется жизнь, но он ведь и не нуждается в этом понимании!

Было, было сказано в XIX веке: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», — однако это не про нас, сон обывателя душен, полон кошмаров, а ещё страшней, кажется, проснуться... Тем не менее, выход из тупика всё-таки есть. Помимо всех противоречий, Великое Среднее обладает глубоким инстинктом выживания, самосохранения, благодаря которому и терпит (правда, в весьма ограниченном количестве) духовные поиски тех, кто способен осмысливать происходящее. На этот инстинкт вся надежда. Во все времена у каждого народа есть пассионарии и обыватели, и количественным их соотношением определяется жизнеспособность данного народа.

Великое Среднее не есть зло, у него свои задачи: выживание и устойчивое воспроизведение человеческого рода, но если масса начинает диктовать свои вкусы, если культура начинает под эти вкусы подстраиваться — беды не миновать. И те, кто понимает трагедийный смысл происходящего, не противопо-

ставлены Великому Среднему, они — авангардная часть его, в силу сознательности принимающая на себя ответственность за происходящее.

Литература сегодня должна терпеливо, кропотливо, последовательно вести широкую исследовательскую, просветительскую, пропагандистскую работу. У нас не много союзников: искусство, наука, образование. Государство всегда так или иначе обслуживает интересы Великого Среднего, а теперь вполне закономерно и состоит большей частью из его представителей, едва ли понимающих, что духовная аналитика и осмысленная проективная деятельность (что, собственно, и есть литература) сегодня — вопрос буквально выживания всех. Литература становится делом государственной важности.

Именно литературе предстоит ни много, ни мало — постепенно растить «маленького человека», человека тол-

пы, зачастую вопреки его собственному желанию — растить в нём индивидуальность, личность, состояние сознательное и ответственное. Задача, сопоставимая по масштабам с «формированием нового человека» в начале советского периода. Но если тогда самоидентичность поддерживалась мощной идеологией, на этот раз нам осталась просто насущная необходимость выжить как народ.

С одной стороны, эту необходимость сегодня понимают немногие, с другой — уже множество раз в истории культура не справлялась с подобной задачей, и цивилизация рушилась. У нас просто нет выбора.

Таковы координаты ситуации, в которую входят молодые литераторы. И личную ответственность за происходящее каждый принимает в меру своих духовных сил.

Участники совещания в Сургуте

1 семинар поэзии:

Руководители: Кердан А.Б., Быков Л.П., Ягодинцева Н.А., Кириенко Н.Г.

Семинаристы:

1. Куваева Наталья (Сургут).
2. Сухова Оксана (Пермь)
3. Панишева Наталья (Киров)
4. Дорогова Инна (Новосибирск)
5. Сацук Андрей (Коркино)
6. Шаповалова Татьяна (Томск)
7. Деревянкин Артем (Барнаул)
8. Глушнёв Григорий (Омск)
9. Сени Наталья (Юрга)
10. Котков Алексей (Ижевск)
11. Ефимов Виталий (Орел)
12. Старцева Ксения (Сургут)
13. Сенькина Анастасия (Ханты-Мансийск)

2 семинар поэзии:

Руководители: Иванов Г.В., Молчанов В.Е., Колесникова Г.Д., Фокин В.Г.

Семинаристы:

1. Евстратов Алексей (Пермь)
2. Халикова Мария (Курган)
3. Рубакова Софья (Северск)
4. Малыгина Александра (Барнаул)
5. Красильников Юрий (Киров)
6. Порошина Анастасия (Челябинск)
7. Пахтышева Светлана (Советский)
8. Кепплин (Фиешкина) Елена (Сыктывкар)
9. Бугрышева Анастасия (Оренбург)
10. Школьников Антон (Омск)
11. Кальсин Виктор (Кемерово)
12. Сергеева Нина (Сургут)
13. Машарыгин Дмитрий (Озерск)

3 семинар поэзии:

Руководители: Попов Г.А., Бурмистров Б.В., Шамсутдинов Н.М., Ерофеева-Тверская В.Ю.

Семинаристы:

1. Чикалина Маргарита (Киров)
2. Слипченко Елена (Нижевартовск)
3. Савостенко Майя (Оренбург)
4. Коробкова Евгения (Челябинск)
5. Шкляров Кирилл (Омск)
6. Ковальский Антон (Сургут)
7. Данылиев Любовь (Сургут)
8. Батюшкина Апполинария (Омск)
9. Шалобаев Андрей (Каменск-Уральский)
10. Камандин Алексей (Кемерово)
11. Самойлик Елена (Муравленко)
12. Лебедева Маргарита (Тюмень)
13. Кравченко Татьяна (Кемерово)

1 семинар прозы:

Руководители: Коняев Н.И., Титов А.Б., Михайловский В.Л.

Семинаристы:

1. Шендаков Андрей (Орел)
2. Захаров Алексей (Курган)
3. Голиков Денис (Пермь)
4. Головина Мария (Пермь)
5. Аверина Инга (Томск)
6. Голенкова Яна (Барнаул)
7. Тарасов Григорий (Екатеринбург)
8. Мальков Виталий (Белгород)
9. Кузаева Полина (Оренбург)
10. Паншин Евгений (Тобольск)
11. Шалыпина Мария (Екатеринбург)

2 семинар прозы:

Руководители: Моисеев В.Г., Козлов С.С., Луцкий С.А.

Семинаристы:

1. Волегов Дмитрий (Пермь)
2. Кузнецов Тимофей (Барнаул)
3. Крестьянинов Илья (Екатеринбург)
4. Тушкова Екатерина (Сыктывкар)
5. Кувайцева (Игнаткова) Инна (Оренбург)
6. Минигареева Елена (Ижевск)
7. Бован Виктор (Омск)
8. Михаил Булатов (Тюмень)
9. Галкина Альбина (Тюмень)
10. Климакова Екатерина (Новосибирск)
11. Пушкина Анастасия (Сургут).

Семинар детской литературы:

Руководители: Звонарева Л.У., Георгиев С.Г., Ешимов Г.К.

Семинаристы:

1. Шангина Светлана (Реж)
2. Чемоданова Виктория (Екатеринбург)
3. Маматов Ильдар (Санкт-Петербург)
4. Муксинова (Эст) Светлана (Пермь)
5. Петракова (Летарева) Наталья (Челябинск)
6. Васильев Юрий (Челябинск)
7. Юрина Марина (Челябинск)
8. Енов Владимир (Ханты-Мансийск)
9. Майорова Светлана (Нижевартовск)

Семинар критики:

Руководители: Дворяшин Ю.А., Мешков Ю.А., Гаврилов В.В.

Семинаристы:

1. Комаров Константин (Екатеринбург)
2. Сергей Дегтярёв (Челябинск)
3. Бобылева Светлана (Ханты-Мансийск)
4. Игнатьева Анастасия (Сургут)

Из истории проведения Всероссийских совещаний на Урале

Первое Всеуральское совещание молодых писателей состоялось 26–28 апреля 2001 года в профилактории «Звездный» под Нижним Тагилом.

В открытии совещания приняли участие министр культуры Свердловской области Н.К.Ветрова, глава Нижнего Тагила Н.Н. Диденко, вице-мэр В.В. Погудин, генеральный директор Высокогорского горно-обогатительного комбината (выступившего спонсором мероприятия) С.Л. Устюжанинов. С приветственной телеграммой обратился к участникам совещания полномочный представитель Президента РФ в УрФО П.М.Латышев. На совещании работало 4 семинара поэзии и прозы, работой которых руководили В.Т. Станцев, Л.П. Быков, Н.И. Коняев, В.П. Лукьянин, А.Б. Титов, А.Б.Кравцов, О.А.Славникова, Э.В. Бутин, А.Г. Хусаинов, Г.В. Иванов и другие. Участники совещания провели творческий поэтический вечер в профилактории «Звездный», совершили экскурсии по Нижнему Тагилу, выступили перед школьниками и студентами города, приняли участие в подведении итогов городского литературного конкурса «Тагильская находка». По результатам совещания были рекомендованы к изданию отдельными книгами произведения: М. Четыркина (Каменск-Уральский), Н. Сергеевой и М. Хамзиной (Тюмень), О. Механошиной, Н. Стародубцевой и Н. Семенова (Нижний Тагил), А. Ильенкова (Екатеринбург), А. Лукьянова (Соликамск). К приему в СП России были рекомендованы Михаил Четыркин (Каменск-Уральский) и Николай Семенов (В.Коркодинов) из Нижнего Тагила. В мае 2002 года тиражом 400 экземпляров вышел в свет в издательстве «Архитектон» сборник «Тагильская находка», в который вошли произведения 41 участника совещания.

Второе Всеуральское совещание молодых писателей состоялось в Каменске-Уральском 26–28 августа 2002 года. На совещание прибыло 44 молодых литератора из 7 субъектов РФ. В работе совещания принял участие первый секретарь СП России И.И. Ляпин (Москва). Четырьмя семинарами поэзии и прозы руководили: Н.В. Денисов, В.А. Блинов, Н.Г. Кузин, А.Б. Титов, Н.И. Коняев, А.А. Азовский и другие.

В ходе совещания прошли: презентация книг членов городского литературного объединения, творческие встречи маститых и молодых писателей с жителями города, торжественный прием главой города участников совещания. В работе совещания самое активное участие приняли глава Каменска-Уральского В.В.Якимов и заместитель министра культуры Свердловской области П.С.Стражников.

По итогам совещания получили путевки в Союз писателей Ю.М.Каплунов, Н.И. Буйносова, Е.И. Кузеванова, Т.С. Федорова и А.Ю. Шалобаев (все из Каменска-Уральского), а также И.А. Хомяков (Курган) и А.В. Иванов (Пермь). Подборки стихов и прозы участников совещания были опубликованы в альманахе «Чаша круговая» №№ 1–2 за 2002 и 2003 годы.

Всеуральские совещания были своего рода предтечей всероссийских. **Первое Всероссийское совещание молодых писателей состоялось в**

конце мая 2003 года под эгидой АСПУр и Администрации Тюменской области в городе Ишиме. В нем приняли участие 60 молодых поэтов и прозаиков из 12 регионов Урала, Поволжья и Западной Сибири. Тремя семинарами поэзии и двумя семинарами прозы руководили Г.В.Иванов и Н.Ф.Иванов (Москва), Н.М.Шамсутдинов, А.Б.Кравцов, С.В. Шумский, Н.В.Денисов и Ю.А.Мешков (Тюмень), Н.И.Коняев (Ханты-Мансийск), В.А.Берязев (Новосибирск), Т.Г.Четверикова (Омск), В.П.Крапивин (Екатеринбург) и другие писатели, представляющие Союз писателей России и Союз российских писателей.

В церемонии открытия совещания приняли участие директор Департамента информационной политики администрации Тюменской области А.П.Новопашин, глава Ишимского района В.А.Ковин, глава города Ишима В.А.-Рейн. Свои приветствия совещанию прислали заместитель полпреда Президента РФ в УрФО В.Н.Туманов и Губернатор Тюменской области С.С.Собянин.

Участники совещания, как и в прежние годы, совместили литературную учебу с многочисленными экскурсиями по Ишиму и Ишимскому району, приняли участие в народном празднике поэзии в с.Безруково – на родине П.П.Ершова, открыли памятную доску на Богоявленском соборе Ишима, где был крещен будущий известный сказочник, выступили со своими произведениями перед жителями города и района.

Совещание рекомендовало к изданию отдельными книгами произведений Е.Свистунова (Омск), О.Маслова (Оренбург), М.Титова (Ханты-Мансийск), А. Иванов (Кемерово), Э.Веркина (Воркута), Т.Веселкиной (Кемерово). Для поступления в Литературный институт имени Горького был рекомендован И.Кузнецов из Кемерово, к приему в СП России получили рекомендации Л.Тихонова и Л.Нянькина (Удмуртия), Д.Саблин (Омск) О.Павлов и И.Аргутин (Челябинск), А. Фуфягин (Пермь), Н.Санникова (Каменск-Уральский). В Союз российских писателей был рекомендован А.Ильенков из Екатеринбурга.

По итогам совещания был выпущен специальный номер альманаха «Врата Сибири», где были опубликованы стихи и проза 22 участников совещания, а в альманахе АСПУр «Чаша круговая» №3 за 2004 год произведения 10 семина-

ристов.

В апреле 2005 года очередное Всероссийское совещание молодых писателей снова принял Нижний Тагил. Надо заметить, что на этот раз статус совещания был выше, но тагильчане с достоинством справились с приемом гостей, с организацией работы этого литературного форума. На совещании присутствовали 66 представителей из 13 регионов России, впервые участие в руководстве семинарами приняли представители трех различных творческих союзов: 1-й секретарь СП России Г.В.Иванов, секретарь СП А.С.Ананичев, сопредседатель Союза российских писателей В.П.Лукьянин, секретари Союза писателей Москвы Л.У.Звонарева и А.Н. Щуплов. Гостей города приветствовали глава Нижнего Тагила Н.Н. Диденко и его заместитель В.В. Погудин, заместитель министра культуры Свердловской области П.П. Стражников.

Работой семинаров руководили: Ю.В. Казарин, Ю.Г. Бриль, А.П. Расторгуев (Екатеринбург), Т.П. Иванченко (Астрахань), В.Г. Моисеев (Оренбург), Н.А. Ягодинцева (Челябинск), Б.Н. Телков (Нижний Тагил) и другие известные писатели.

Совещание рекомендовало к изданию отдельными книгами произведений Л.Байретдиновой и Е.Макаровой (Удмуртия), Ф.Гареева (Башкортостан), А.Иванова (Кемерово), к поступлению в Литературный институт имени А.М.Горького Н. Белоусову (Пермь) и на Высшие литературные курсы А.Иванова (Кемерово). К приему в СП России были рекомендованы: С.Дьяков и А.Иванов (Кемерово), А.Елфимова и Н.Обрезкова (Республика Коми), В.Титов (Новосибирск), Н.Стародубцева (Н.Тагил).

По итогам совещания в марте 2006 года в издательстве «Уральское литературное агентство» тиражом 200 экземпляров вышел в свет сборник «Тагильская находка-2», в котором опубликованы произведения 39 участников совещания.

В 2007 году очередное Всероссийское совещание молодых писателей состоялось в Каменске-Уральском. На этот раз на совещание прибыли 76 молодых поэта и прозаика из 15 регионов нашей страны. В открытии совещания приняли участие заместитель министра культуры Свердловской области П.С. Стражников, заместитель главы Каменска-Уральского Д.В.

Миронов, начальник управления культуры города Ю.Н. Гаркуль. Работой 6 прозаических и поэтических семинаров (впервые был проведен семинар литературы для детей и юношества) руководили В.П. Крапивин и А.Б. Кравцов (Тюмень), Г.В. Иванов и А.Н. Торопцев (Москва), Г.А. Попов (Орел), В.Ю. Ерофеева-Тверская (Омск), Н.И. Коняев (Ханты-Мансийск), А.Б. Кердан, А.Б. Титов, Л.П. Быков, В.А. Блинов, Гер.Вл. Иванов, А.П. Расторгуев (Екатеринбург), Н.А. Ягодинцева (Челябинск), А.В. Хусаинов (Уфа) и др. По итогам совещания в феврале 2008 года вышел в свет коллективный сборник «Каменский семинар», подборки стихов и прозы молодых литераторов были опубликованы в альманахах «Чаша круговая», «Эринтур», в газете «Большая медведица». Были рекомендованы к изданию первые книги Алины Чинючиной (Магнитогорск), Натальи Кириенко (Кемеровская область), Евгения Черникова, Андрея Шалобаева, Ильи Ненко, Андрея Торопова, Александры Артемьевой (Каменск-Уральский Свердловской области), Дмитрия Хоботнева и Татьяны Ильдимировой (Кемерово), Александра Козырева (Пермь), Натальи Петраковой и Елены Нестеровой (Челябинск), Алексея Бешкарева (Республика Коми), Светланы Пахтышевой (ХМАО), Зинаиды Рябининой (Ижевск), Анны Степановой и Алексея Кривдова (Омск). Совещание рекомендовало к приему в Союз писателей России: Ксению Шалобаеву (Каменск-Уральский Свердловской области), Александра Поповского (Коркино Челябинской области), Андрея Торопова (Каменск-Уральский Свердловской области), Наталью Кириенко (Юрга Кемеровской области), Владислава Устюгова (Каменск-Уральский Свердловской области), Марию Четверикову (Омск), Дмитрия Хоботнева (Новокузнецк Кемеровской области), Алексея Кривдова (Омск), Сергея Симонова (Каменск-Уральский Свердловской области), Ивана Паздникова (Каменск-Уральский Свердловской области).

Для любителей статистики заметим: через эти совещания прошло более 350 талантливых молодых поэтов и прозаиков. Более 30 из них были рекомендованы и стали членами Союза писателей России и Союза российских писателей. У пятидесяти молодых авторов по рекомендации совещаний вышли в свет первые книги, произведения свыше ста пятидесяти семинаристов опубликованы в различных сборниках и альманахах.

Для многих семинаристов совещания стали настоящей путевкой в большую литературу. Н.Коркодинов (Семенов) стал лауреатом премии имени П.П.Бажова. Алексей Лукьянов из Соликамска, после двух Всеуральских совещаний стал членом Союза писателей России, лауреатом новой Пушкинской премии, участником встречи молодых писателей с Президентом России в январе 2007 года. Талантливо работают в литературе ставшие членами профессионального писательского Союза Олег Павлов и Ирина Аргутина (Челябинск), Наталья Санникова (Каменск-Уральский), Мария Четверикова (Омск), Наталья Кириенко (Юрга), Сергей Дьячков (Кемерово) и многие другие. Надеемся, что этот список пополнят выпускники Всероссийского совещания в Сургуте.

На фото: участники поэтического семинара в Каменске-Уральском, 2007 г.

Генетический код поэзии: Салим Фатыхов о смыслах и словах

Салим Галимович Фатыхов — человек удивительно талантливый и многосторонний: поэт и прозаик с более чем сорокалетним стажем, ученый-культуролог и этнограф, государственный и общественный деятель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, журналист и редактор, возглавлявший коллективы многих советских и российских газет, а ныне — заместитель Главы Администрации Губернатора Челябинской области. Он автор нескольких поэтических сборников и приключенческой повести, трех фундаментальных монографий по мировой истории женщины и просто мудрый, обаятельный собеседник.

Сегодня мы представляем читателям «БМ» запись беседы С.Г. Фатыхова с нашим постоянным корреспондентом, поэтом и культурологом из Челябинска Ниной Ягодинцевой.

— Салим Галимович, в Вашем творческом багаже не только колоссальное культурологическое исследование «Мировая история женщины», но и поэзия, проза, переводы... Я сердечно поздравляю Вас с недавним событием в Нижневартовске, где на конференции АСПУР Вам была вручена медаль «За служение литературе», и Вы стали лауреатом премии «Урал промышленный — Урал полярный». Хотелось бы, чтобы наш диалог был посвящён глубинному, сущностному смыслу литературы, поэзии, жизни.

Мы с Вами земляки, оба родились в удивительном городе Магнитогорске. Это город-легенда, город, обладающий мощным духовным полем и — в противоположность ему — очень жёстким бытом: металлургия, работа, на которой люди горят. Город поэзии, космических энергий духа и материи...

— Возможно, это сочетание несочетаемого и сделало Магнитогорск тем городом, который как в люльке лелеет и таланты, и характеры. Почему это произошло? Впервые, его строили люди, несправедливо пострадавшие за то, что они родились с хозяйственной жилкой, с цельным взглядом на жизнь, и даже в условиях царской России и первых лет советской власти сумевшие адаптироваться к сущностным смыслам своего бытия... Именно по этой причине они и были использованы властью и сосланы на эту великую стройку.

А во-вторых, великая стройка, великая идея, которую культивировали большевики, как-то, видимо, совпали с извечной мечтой российского человека превратить свою страну в великую державу. И понимание, что надо уходить от лапотной России, уже пронизывало буквально умы — и грамотных, и неграмотных. То есть романтизировало быт Магнитки и породило столько восторженных воспоминаний, стихов и т.д., но, с другой стороны, и казарменно-комендантскую коммуналку, которая была почему-то воспринята эталоном советской жизни.

Была ли она таковой, не могу определённо сказать, но родился и жил я в бараке, он назывался «почтовым», и туда селили передовиков производства. Родители мои были репрессированы, этот же статус теперь у меня. Кроме барака я помню комендатуру, помню кипятильник, но всё это, конечно же, не подавляло тех наивных восторженных впечатлений от великой стройки, которые, возможно, и у Вас были в детстве, и остались. Ваши стихи именно эту глубину и проецируют. Одна гора чего стоит, одни дымки, которых мы наглotalись в детстве, — всё это удивительно вып-

лавилось в романтику жёсткого коммунального быта.

Все мы бываем счастливы в детстве... У нас напротив барака стояли каланча и пожарная контора. У входа простирался деревянный настил, там было чисто, мы там играли. Пожарники выезжали с бочками, машин тогда ещё не было. Кормили лошадей жмыхом, иногда, тайком от начальства, вываливали жмых для нас. Жмых — это отжимки подсолнечника, а мы набирали его и ели, грызли и приносили в свои жалкие комнатухи (про запас)...

— То, что Вы говорите о Магнитогорске, очень точно совпадает с моим ощущением, хотя я родилась в 60-е годы, но ведь дух города остался, он есть и сейчас. Об этом Ваши стихи «Был в нашем бараке непуганый мрак... // У нас за баракком стояла гора. // Магнитная вся — от ребра до ребра...» Это и есть та самая ткань жизни, и всегда интересен момент, когда вспыхивает осознание какой-то безусловной необходимости обращения к слову. Думаю, Ваше обращение к литературе, к поэзии, совершенно не было случайным.

— Видимо, да, атмосфера порождала некий идеализм, но что могло стать толчком? Помню смерть Сталина, гудки — и паровозные и заводские. Я стоял у барака голодный, до вечера ждал маму, её всё не было и не было, и людей-то не было, и когда она пришла, заплаканная, я спросил: «Почему ты плачешь, мама?» — «Сталин умер, наш вождь великий», — «А почему он умер?» — «Отстань, сыночка, мне не до тебя»... Но я пристал: «Почему, почему?» — «Потому что он думал. Обо всех нас, о вас, о детях, о трудящихся...» — «А разве от этого умирают?»

Вопрос этот повис, вечером я лёг на свой сундучок и до утра не мог уснуть, я пытался остановить себя, но всё думал и думал (я потом написал об этом новеллу «Неизлечимый больной»). Мать встрепенулась, испугалась, к утру вызвала доктора Кузнецова. Он дворянин бывший, правда, доктор ветеринарных наук, но все обращались к нему. Мама его вызвала, он пришёл, температуру померил — у меня всё нормально. «Мальчик, что это с тобой?» Я говорю: «Я задумал...» — «Ну, — посмотрел он на меня. — Вы неизлечимый больной, эта болезнь неизлечима...»

Видимо, ситуация эта, наложенная на романтику барачного быта, действительно как-то подтолкнула к осмыслению жизни уже другим языком. Тогда же звучала в нашем сознании и поэзия этой великой стройки. Было радио, были бытовые агитки, жестокость комendantов, в негоду выгонявших беременных женщин на разные работы, и прочее было. Но, начиная с первых ученических лет, мы уже знали стихи о Магнитке. Власть тогдашняя умела это делать, а иначе подвигнуть на такой подвиг полуграмотный народ было невозможно. Мы знаем произведения Ручьёва, Люгарина, Авдеенко, и даже фельетониста Нариньяни, который приезжал в Магнитку — да кто только не приезжал! Потрясающая была картина — как можно в степи построить великий город!

Но о таком степном конгломерате, видимо, давно мечтал человек евразийских просторов. Не только в двадцатом веке, а ещё, может быть, пять тысяч лет тому назад... Ведь гора-то необычная. На Магнитогорском пенеплене (понижении) эта пятиглавая вершина единственная, она была доминирующей, и руды были тяжёлые — уникальные камни, они бросались в глаза.

В прошлом году я побывал на Магнит-горе, но не на самой вершине Атача — там в детстве я почти еженедельно лазил, и вспоминаю рассказы родственников — обходчиков железнодорожных о том, что когда-то на вершине были каменные блоки, плиты. Я, конечно, их не видел, я просто камушки собирал «золотые»: пирит, халькопирит, и это подвигло меня к геологии.

А в прошлом году я был на Берёзовой, на соседней вершине, буквально в пятистах метрах от Атача. Я увидел там остатки — возможно, храмовые, называются они «Зиарат аулиё» — «аулиё» — «святой», «зиарат» — зиккурат шумерский, но в нашем обыденном исламском разговорном поле это называется «могила», а так — зиккурат. Рядом я ещё глазом полевика увидел неболь-

шой жертвенник. Конечно, там нужно делать раскопки...

Я ведь дал в своей книге расшифровку этого названия «Атач». Романтики-журналисты 30-х годов говорили: якобы приехали первостроители, спросили у башкирского всадника, что это такое, он не понял, ответил, что «Ат ач» — лошадь голодная, степь голодная, так и назвали гору. Другие говорят, что это «петух» с тюркского. На самом деле это Аташ.

С древнеперсидского, авестийского языка «аташ» — это «огонь». Главная вершина Магнитной горы представлялась человеку ранней бронзы мифической горой Меру-Сумеру, то есть Мировой горой, они уже тогда присматривались к этим рудам. Для той части протоарийских, индоиранских, индоевропейских племён, которая кочевала по Южному Уралу, а после максимума Стоунбриджа, то есть после резкой аридизации климата — начала откочёвывать в Западную Европу и на полуостров Индостан, это был сакральный ландшафтный комплекс!

Наша с вами гора, где мы воспитали свой романтический характер, не одного, возможно, будоражила поэта, там, после принятия выжитой эфедры, возжигая огонь на Аташе, где, может быть, был и алтарь бога Агни, или на соседней Берёзовой горе (вспомните авестийскую Хара Березайте!), пять тысяч лет назад пели авестийско-регведийские гимны гениальные поэты-риши. Пока никто не привязывает Авесту к конкретной географии, а почему бы, почему не предположить, что её древнейшие, дозораострийские гимны славились на Южном Урале?

В Авесте скалькированы чуть ли не буквально топонимы, гидронимы, оронимы нашего края. Пересекает степи на запад от Магнитной горы — и по двухсоткилометровому абрису вы встретите «уйму» авестийских названий. Сатка — небесное созвездие, благоволящее ариям, Аша — авестийская богиня Благотворности, Иремель (Ирий) — мифическая гора в заоблачном море, где обитают ушедшие, хребет Аджигардак (Ажи-Дахак — авестийский Змей Горыныч), озеро Кундравы (Кундрав, Гандарва — кривой змей, казначей Ажи-Дахака). На юге от Магнитной горы открыто протоарийское городище Синташта, а в авестийском и североиндийском пантеоне есть Сантоши-ма, богиня Мать-Умиротворения.

Степь магнитогорская, Уральские горы, а они — это единственная меридианная преграда на всем евразийском пространстве, по которому кочевали предки всех европейцев, генетически воспроизводят порывы смысловотворения, я это чувствую. Ландшафтная генетика Урала, а Магнитки — в особенности, — вот она, тайна, которой обьязаны мы.

— Да, Магнитка удивительным образом сочетает поэтический магнит духа и мелкую пыль быта, в которой многие задыхаются, и это не только метафора — она и страшная реальность. Вы пишете: «Отец лежит под камнем серым. // Повинны силикоз и сера, // А в нём жила такая вера // В бессмертие своё!» С одной стороны, был поглощает силы, с другой — постоянно провоцирует на поэтические, научные открытия. Наверное, эта двойственность характерна для энциклопедистов, ищущих объяснения глубокой взаимосвязи вещей бытовых и внебытовых.

Генетический код поэзии

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

— Философски подходу к быту, мы видим, что изначального человека провозгласил на объективацию сам окружающий мир, сама бужеская природа. Именно благодаря тому, что человек начал смысловое творение, он естественно начал рефлексировать — до тех пор, пока практически не уничтожил этот божеский мир вокруг себя. И теперь мы видим, что, в отличие от нас, первобытный человек с помощью мифологии ощущал мир гораздо глубже, он всё наделял смыслом, он матрицировал мир именами-метками.

Для нас природой стала культура, а культура наиболее мощно проявляется в жизненных технологиях, созданных самим человеком. Ведь это не обязательно шедевр какой-то, картина, стих — а всё, что нас окружает, тот же бетон, который мы изобрели, та же панель, которую мы выстрогали, кресло, телевизор... Но этот чрезмерный предметный быт отчуждает и осуждает, сегодня он нас подавляет и душит.

Мы пытаемся говорить с этим новым миром-бытом сердечно, или пытаемся от него отвызаться, даже умоляем его оставить нас наедине с природой, с бужеским бытом — ничего не получается и уже не получится. Нам никогда не отречься от того, что мы создали сами, начиная с пещерной дикости, начиная с тех ниш в глубине пещер, где женщины-матери пеленали своих детей, — кончая современными дворцами и Интернетом... А тем более добровольно не отречься от сегодняшнего быта нынешним олигархам. Всё ведь у них воплощено в быте...

— Но обыденная жизнь и провоцирует на выход из обыденности, и где они — точки выхода в открытое пространство духа? Очень многим людям не удаётся найти их, эти точки выхода, и их сверхъестественные, природные способности остаются нераскрытыми...

— Их очень много, этих точек, и в то же время их трудно обнаружить. Это как Фридриховы трубы: переход от макромира к микромиру и обратно. Их надо уметь видеть. Но часто такой поиск кончается трагически для ищущего, и вы в своей монографии «Принципы безопасности творческого развития» говорите об этом и предупреждаете... Ведь если человек попадает не в тот коммуникативный канал, он погибает...

В моей судьбе, думаю, роль сыграла генетика, во-первых: у меня мама писала стихи. Во-вторых, это среда, в том числе и географическая, та же Магнитка. И ответственность за окружающего, за близких. Ведь надо не просто ходить в потёртых пиджаках с замусоленной тетрадкой, бить себя в грудь и говорить, что я гений, поэт, и меня никто не понимает... Надо и просто жить, потому что ведь Богом-то единожды даётся нам жизнь, мы выбраны из миллионов и миллионов случаев, и как можно так просто этой жизнью разбрасываться?

— В словаре поэтических образов, составленном Челябинским исследователем В. Б. Феркелем, приводится анализ образной системы русской поэзии двадцатого века. Образы предметного мира, созданного человеком, занимают в этой диаграмме 72 %, образы различных форм диалога с природой — 17%, а формы и способы самоуничтожения (оружие и пр.) — 11%. Запас прочности современной культуры, судя по этому анализу, не более 6%. Что се-

годня в этой ситуации, в этой системе вещей литература, наука, искусство?

— Это один из немногих коммуникативных каналов, который позволяет вырваться из быта, из пучин его, и хоть немножко возвращаться — а куда? Я и сам не знаю, но куда-то возвращаться, куда мы стремимся — может быть, туда, где и творится субстанция разума, о которой думал Тейяр де Шарден. Он говорил, что если разум разлит — а он разлит в таких существах, как мы, люди, — то значит, кто-то там его разливает (я утрирую его слова)...

Плутарх, кстати, почти то же самое сказал. И, видимо, литература, искусство, особенно музыка помогают... Беда в том, что сегодня и этот канал разрушается, более того, он не то чтобы маргинализируется, но как-то брезгливо отодвигается современной культурой в сторону. Яркий пример — в ЕГЭ уже литературы не будет, не будет и других гуманитарных составляющих — они тем более не имеют в виду: живопись, музыка...

Мне кажется, технический прогресс, Интернет чрезмерно и уродливо виртуализируют наше сознание. Но ведь закон выворачивания вывернутого должен нас обеспокоить! Мы достигли высот науки, техники, и природа будет нам за это мстить, и она мстит, по крайней мере, уже ухватилась за это — в киберпространстве она будет растить юношей, которые, как бельгийский юноша, без повода, накачанный образами Бэтмана и прочими, пойдёт и начнёт убивать детишек в детском садике.

Ребята-то наши, подростки, молодёжь, они даже не понимают, что впереди стадии жизни — зрелость, старость, а потом смерть. Они не готовятся к смерти — а мы должны готовиться к смерти. Они думают, что уже бессмертны, эту иллюзию им даёт Интернет, виртуализирующий реальность, создающий какую-то супер-реальность. Не сверхреальность — сверхреальность создал благодаря культуре сам человек. Но сегодня на его место встал Интернет, он создает супер-реальность. Это и есть действие закона выворачивания вывернутого, мы снова биологизируемся... Мы позабудем всё, мы превратимся в каких-то биокиберов, которые забудут и этот быт, и прочее — я не знаю, что произойдёт, но это будет месть природы за то, что мы чрезмерно преступаем божеские законы, и это страшно...

— То есть проблема заключается не в том, что человек, обретая новые возможности, не изменяется внутренне, а в том, что новые технологии разрушают человека?

— Да, ведь это действие второго закона термодинамики, только в гуманитарно-техническом воплощении. Мы всего лишь четыре поколения с небольшим, ну, пять поколений (если взять за поколение 25 лет), живём в условиях, например, электричества, окружающего нас. 100–125 последних лет электричество стало субстанцией, которая везде нас окружает, а какое влияние это оказывает на наш организм, на генетическую нашу составляющую? Ведь на уровне спины, позвоночника, у нас розетка, поля электрические и что там происходит? Радио-телевидение-интернет — это непростая цепочка, и, возможно, не будет уже потомок древнеарийского риши слагать стихи и легенды в честь огня — божества Аташ — на склоне Магнитной горы. И может также случиться, нельзя этого исключать, погаснет потребность удивляться, любить и восхищаться...

— Думаю, с точки зрения угроз человеческому существованию ситуация на протяжении всей истории стабильно безнадежна. Риски уничтожения и самоуничтожения присутствуют всегда — они только меняют свой характер, а в связи с этим, наверное, изменяется и сверхзадача художника, учёного? Ведь поэтический код сохранился, он прошёл через тысячелетия. Поэт в принципе ощущает себя частью мира как целого, Универсума, и, может быть, в этом и состоит его всемирная функция: осознание себя как частицы организованного максимально разумного целого. Изменилась ли сверхзадача художника? Каков, на Ваш взгляд, смысл в этой деятельности сегодня?

— Если честно, уже почти никакого смысла и нет. Но если попытаться хотя бы что-то сделать, сверхзадачей художника, поэта, писателя мне кажется сегодня — крик! Надо кричать, мы же ведь уходим в свои пещеры, мы же рефлекслируем сами для себя и пишем сами для себя. Посмотрите «Литературку»: какие прекрасные стихи! Но ничего не меняется, никто их никогда не услышит, умрут эти поэты, умрут эти писатели, умрёт эта газета, истлеет — ничего она никому не даёт, она только нас тревожит, память нашу и всех, кто когда-то был в этом поле. Но мы ворчим умиротворенно: ах, он ещё жив, он ещё печатается и даже издаётся, а за чей, интересно, счёт? И — даже безразлично печалимся, читая некрологи и соболезнования...

Мы умираем, мы все в потёртых пиджаках нашей литературы. На Западе это давно случилось, у нас — только что. Надо кричать, а не писать, надо снова восстанавливать площадку Политехнического, надо снова вирус поэтический, культурный, генетический внедрять в людскую среду, чтобы бегали не на попзвёзд, а на поэтов и на прозаиков.

Вот сейчас, может быть, этот этап формируется. Наступает экономический кризис — может быть, что-то случится, придёт осознание, но я в этом не уверен, потому что Запад нам показал, что там, по крайней мере, это равнодушные сформировались ещё в конце девятнадцатого века, и начала погибать литература, и был кризис культуры, и были всплески любимого кем-то десятилетия, да ещё какие...

То есть сегодня надо кричать, или надеть боксёрские перчатки — разить, ведь это ситуация прямой открытой борьбы за выживание человека как существа духовного. Для этого у нас ещё почва осталась — потому что православие, по крайней мере, хранит это, не отчуждает душу. В какой-то мере восточные религии — тоже, но протестантизм — он уже покусился давно на дух наш...

— Видимо, осмысление литературной работы как служения произошло в Ассоциации писателей Урала вполне закономерно. И ответственность писателя несёт не только перед читателем, но и перед языком, который в течение тысячелетий корнями вращал в наше сознание...

— Для меня, выросшего в русской среде, одного родного языка быть не может. У меня татарский — родной на бытовом уровне, но и русский тоже родной. Как и все, может быть, возвращённые другой языковой культурой, я испытываю какое-то чувство ущербности, оказавшись и в стихии родного языка татарского, и в стихии родного языка русского.

Но мы же не знаем, когда татарский язык стал татарским для волжских болгар — может быть, до этого мы говори-

ли на другом языке? Меня тянет к санскриту, я узнаю знакомые корни, занимаясь этимологией. Я узнаю татарские фонетические коленца в немецком языке, — я понимаю, что когда эти племена ариев возвращались в Европу, они обязательно прошли волжские просторы, переняли фонетические коленца... Во мне это вызывает глубокий восторг узнавания! Я не считаю, что защита родной культуры, родного языка заключается в лубочном карнавале: надеть тюбетейку, взять гармошку и... «Бас, кызым, апи-пя»... Нет, всё это глубже...

— Но для «двуязычного» поэта бесценно владение языковым контекстом, возможность услышать переключку корней — ведь это колоссальное смысловое богатство! Те страницы в «Мировой истории женщин», где современное слово вдруг начинает «проваливаться» в вековую, тысячелетнюю глупину, завораживают...

— Я понимаю тюркские языки, например, переводил Алишера Навои. Тюркские языки так же бездонны и метафоричны, как языки славянские. Я только что закончил читать «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева, и для меня каждый день был праздником: я утопал в этимологии, которую он даёт, пусть иногда и ошибочно, я невольно проецировал это на свой родной язык, на санскрит, искал и безумно блаженствовал...

Глубина тюркских и славянских языков заключается в том, что они сохранили свою первобытность. Ещё Алишер Навои в трактате об узбекском языке писал о тюркском, о его глубине, и приводил в пример новоперсидский, таджикский, которые уже потеряли всё это — там, как в английском, больше развития терминология, унификация смыслов, развиты сокращения и упрощения.

Кажется, Гомулка — чешский исследователь — приводил пример: он опросил только одного туземца, который жил в ареале 12 племён, — и составил словарь из нескольких тысяч наименований растений, сразу же! Человек-то начался с того, что он, как я уже сказал, творил метки, поименовывал мир. Это поименование было бесконечным, и во многих языках всё ещё сохранилось. А в современном мире началась стремительная унификация, рафинирование смыслов...

Это опасный процесс. И великороссы начали его раньше, чем малороссы и белорусы. А как, например, прекрасно и глубоко звучит сербский, потому что он сохранился почти в первозданной оболочке славянских языков, в оболочке, очень и очень близкой к санскриту.

— С 80-х 90-х унификация смыслов явно и ощутимо происходит в русском языке... К тому же множество технологий в этот период пришло к нам, сразу оборудованное иностранной терминологией. И даже литературный язык, опосредованно связанный с новыми технологиями и терминами, в полной мере испытал на себе это разрушающее влияние. Но давайте вернёмся к Вашему литературному творчеству, к прозаическим произведениям.

— Я написал несколько рассказов, новелл, но ведь проза — это колоссальный труд, а у меня не было на это времени. Произошло переслоение интересов, пришла наука — этнография, археология. Но напечатаны «Дедушка и Алим», «Красный Междунун»... Несколько лет я собирал колоссальный материал для романа о тринадцатом веке, но так и не сел за него.

Я знал даже такие факты: в 1237 году селёдка в Европе подешевела настолько, что купцы не знали, что с ней делать, выбрасывали кучами, и она загнивала, а почему? Да потому, что с британских островов они боялись спускаться, там к Европе Батый шёл, он у Киева уже был, он Венгрии угрожал, и так далее, и так далее.

Я всё это знал и хотел написать роман, потому что тринадцатый век был поворотным для всей истории цивилизации... А сейчас я опять переписываю «Мировую историю женщины»... Материал бездонный, но он в большей степени лёг на страницы техническим массивом. Постоянно будоражат идеи: как с ним обращаться, что там еще не хватает? Да, систематизирован, да, осмыслен, да, колоссальный поиск, труд до слёз, до беспамьяства, до кровавого пота, но ведь надо сделать так, чтобы это было на долгие-долгие годы как-то памятником для будущих рефлексий — научных, исторических, по истории человечества.

Не должно же быть простое перечисление, как у Момзена о Римской империи — колоссальная работа, но в ней не видно мира римского, и у меня ещё не видно мира — может, только в первой части матриархата.

Для тех, кто хочет посмотреть, как протекает научный процесс, можно сравнить три вышедшие книги. Я продолжаю думать даже над иллюстрациями. Для чего я дал этих танцующих львят из ущелья Сармыш? Чтобы просто показать сакральность данного ландшафта. Я привязал это к тотемизму, ведь тотемизм — проекция матриархальности. Мать обезличена, мы все похожи друг на друга, и отсюда набор тотемов — представителей животного, растительного мира... А теперь я понял, что петроглиф отражает митраистскую седьмую степень посвящения, когда на семилетних ребятам надевают львиные маски... Новые знания дают новое понимание своего проекта.

Вернемся к нашим... нет, не к баранам, конечно, а к баракам, с которых начался разговор. Ведь их название также на пять тысяч лет проецируется! Слово «барак» имеет санскритские корни. У нас ведь есть разные культуры — катакомбная, ямная, срубная. На этапе срубной культуры возникли первые коммунальные жилища, прототипы которых мы видим на Аркаиме. По сути, Аркаим — это радиально размещённые бараки, окружённые рвом и оборонительной стеной.

На Аркаиме, который чуть южнее нашей с Вами Магнитки, доменные печи были почти в каждом бараке. 4 тысячи лет спустя Магнитка построила подобные же бараки, но доменные печи, только уже огромных размеров и несравнимые по мощности, вынесла за их пределы — вот и все! И там, в Аркаиме, и здесь, в Магнитке, бараки означали практически все достижения коммунального быта.

Технология строительства барака проста, как ясный день: на метр-полтора снимается грунт, по периметру строятся узкие клетки под шлаковую засыпку, ставятся брёвна-стояки, балки-распорки. Изначально барак — это засыпное помещение, при засыпке клетей шлак, песок или гравий шуршит: «ш-у-у». Потом этот звук фонетически изменяется на «пу», значит, пуршит — это ононатопозэтическое, то есть по природе своей звукоподражательное слово. Аркаим — это пур, засыпной укрепленный город, засыпная крепость. В Индии

немало городов-пуров (например, Брахмапур). В древней Согдиане была Варахша («вар» от корня «пур», то есть Пурах-ша) — шахский город с засыпными стенами.

Этимологией слова «пур» занимались переводчик Ригведы Татьяна Елизаренкова и открыватель Аркаима Геннадий Зданович. Я беседовал с Геннадием Борисовичем, предложил свои этимологические трансформации корня «пур». От него и слова «пурга», «пуран-буран», от него и древнеперсидский «парадаг» — огороженный сад, и греческий «парадасис» — райский сад. От него «порт», и «портфель», древнеславянская Варна, авестийский Вар, Варок-варак, который построил Йима, чтобы спастись от потопа. А Варок, Варак со временем превратились в «барак».

Вот откуда наш магнитогорский барак. Его защитительный смысл, образ были намолены с эпохи бронзы, в условиях дикости они вдохновляли на гимны протоарийских поэтов-риши. И эта намоленность, эта поэтическая генетика впитана бараками Магнитки, не только матери, но и они рожали писателей и поэтов современной Магнитки, всех славных советских городов эпохи индустриализации.

Такая метафизика получается, почему-то я верю в неё... Структура нашего мышления одинакова, мы же люди. Какие бы ни менялись культуры на данной земле, сохраняются особенности бытия, технологии быта, культурные артефакты, генетика образов и пространства. Нужно только присмотреться — в настоящем есть и прошлое, и будущее.

— И ведь именно такой взгляд на мир делает человека более устойчивым, более жизнеспособным! Эта вертикаль памяти играет роль фундамента...

— Это делает человека счастливым. У меня маленький домашний музей, я окружил себя артефактами: есть пальма окаменевшая из Кызылкумов, каменные топоры, скульптурка Анахиты, кружечка той эпохи — я продлеваю этим свою жизнь, и у меня много в стихах об этом говорится.

«Во мне ещё живут инстинкты диких джунглей, // Волнение морей, паренье странных птиц. // И тлеют по ночам сырых стоянок угли, // И пробегает тени неповторимых лиц...»

Начиная с австралопитека, я знаю каждый шаг человека, как он приручал речную гальку, что он делал, как он охотился... Я знаю, когда человек сделал йеменский переход, какие генетические дрейфы были, как ветвились две главные генетические линии... Я переносюсь туда, разговариваю с теми племенами, сидя у себя в кабинете. Да, я оттуда, моя материальная субстанция оттуда, и я-то сам живу столько, насколько знаю историю — а это сотни тысяч лет в прошлое...

— Салим Галимович, позвольте завершить нашу беседу строками из Вашего стихотворения: «Я плакал у старинной сардобы. // Здесь нет воды. Зловоние и сырость. // Истории доверчивой на милость // Все титулы и почести сданы. // А жизнь была. Пусть лет пятьсот назад. // Об купол бился ропот земледельца. // И кто-нибудь в восточные глаза // В часы любви не чаял наглядеться. // О, время, ты жестоко! Мы порой // Тебя неумно, суетливо тратим. // Остановилось посреди тетради // Моё неискушённое перо... // Уходит всё. А слёзы ни при чём — // Святая сила в этой светлой грусти. // О, сколько счастья нам ещё отпустит // То время, что когда-то утчёт!»

Бабушки-дедушки Лёни Баранова

В помещении цокольного этажа дома № 40 на Розы Люксембург в Екатеринбурге персональной выставкой Лёни Баранова, одного из самых добрых на Урале мастеров-живописцев, была открыта новая выставочная площадка. По замечанию ведущего свердловского культуртрегера, художника Светланы Абакумовой, — происходит здесь все в лучших традициях советских уютных квартирников.

Хребет уральского добрячества. Течение богемной жизни Екатеринбурга, который, кажется, уже только ленивый отказывается признавать третьей культурной столицей, не остановимо — что твой забугорный хай вэй в часы пик. Активнее и уж точно заметнее всего бурлит работа содружества неугомонных уральских художников, к коим Баранова и можно отнести, не являющихся группой организованной, а представляющих собой веселую броуновскую компанию, свободно перемещающуюся по всему земному шару, но никогда не забывающих точку отправления. Серьезная каша заварилась здесь в незапамятные еще времена с появлением истинно мифических персонажей — знаменитого и бесшабашного добряка-старика Б.У. Кашкина, которого помнят даже заборы, любовно расписанные продолжателями его творчества; екатеринбуржцам всегда есть, кем прихвастнуть: помнят Виктора Махотина, говорят о Михаиле Сажееве, Виталии Воловиче, Мише Брусиловском. Это вершина Парнаса, взглянуть с неё чуть дальше — и можно с уверенностью говорить, что традиции уральского добрячества не остановилась, вулкан разбужен. Мифических персонажей в городе только прибывает.

Инь-янь по-Барановски. С конца 90-х годов прошлого века прочно поселились в уральской столице по-хорошему не столичные Лёнины дедушки и бабушки. Рядом с ними, нарисованными (или уже настоящими?), но прямо-таки дерзкими своей несгибаемой жизнерадостностью и жизненной силой, становится не по себе — кто из нас старикан? Ну что это? Бабуля, забыв радикулит, парит буквально в воздухе, подброшенная лукавым дедом — секунду назад они пре-

спокойно качались на качелях (кто кого перетянет?). Они засыпают прямо на сеновале, как и положено настоящим влюбленным. Вместе устраивают чисто гоголевские гуляния, шумливые, с валянием дурака, надоеет валять — заберутся один другому на плечи, чтоб до неба достать. И у Лёни — дотягиваются, зарываются прямо в облака. У него в этом, им подсмотренном, или написанном, русском (здесь при слове «русский» должен появляться не триколор и не самовар, а тот самый, дух) и уютном мире небо от земли — всегда рукой подать, приподнимись только на цыпочки. Так среди общего веселья на картине вдруг появляется лицо дедушки (его и дедом-то язык не поворачивается назвать, такой он весь твой этот дедушка) или бабушки, или оба они мирно поедают жареные семечки прямо из сковороды, и ловишь взгляд — добрый, лукавый, хитрый и озорной. Не лица, а «лики» — как говорит о них и сам Леня, мудрые — как дети. Он умудрился свести в одно молодость и старость, конец и начало — пишет инь-янь по своему. Он сам такой — большой ребенок. Потому что внутри — закипающая, критическая масса добра, которую он и переносит на холст, из него и лепит своих самых-самых в мире дедушек, а они уж пособят, покряхтят да и вытянут хребет уральского добрячества на свет божий.

О самоповторах. Лёня нередко повторяется, делает копии своих собственных работ. Многие подозревают в художнике затаенную страсть к наживе. А он попросту не умеет отказывать и когда сразу несколько человек просит: «такого деда домой хочу» — ему легче сделать новую вещь. И удивительно, что при таком спросе на дедушек-бабушек выставка все-таки состоялась — совершенно спонтанно, по приглашению Сергея Шитикова, в чьей гостеприимной мастерской теперь такие «персоналки» будут проходить постоянно. На выставке не только Барановские добрые старики. Писал Лёня и чертей, занимался (кто в том не замечен?) абстракцией, гнул свою воздушную линию вполне в духе европейского живописного средневековья — и пришел таки к самому себе, Лёне Баранову, свободному художнику. Путь этот на выставке вырисовывается.

«Самостоянье человека — залог величия его»:

О трагизме и комизме самоопределения личности в прозе Арсена Титова

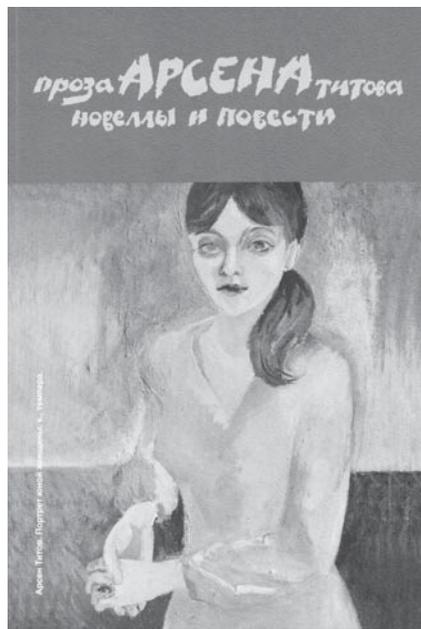
Как-то Ольга Славникова сказала, что проза Арсена Титова по уровню стилистического мастерства ничуть не ниже произведений обласканного (и во многом заслуженно) ныне славой Виктора Пелевина. Для того, чтобы выйти на все-российскую литературную орбиту, которой он целиком и полностью достоин, Титову не хватало какой-то малости, последнего шажка. Вышедший недавно двухтомник избранной прозы Арсена Титова очередной раз убеждает, что слова лауреата Букеровской премии объективно отразили высокий уровень титовской прозы.

Двухтомник составляют новеллы, повести и роман. Сегодня о Титове-новеллисте. Живой язык его новелл можно сравнить с лихим арабским скакуном, которого нужно крепко держать за узду, чтобы он не сорвался в бешеный скак. Поражает именно эта постоянная устремленность слова Титова, бурлящая в нем потенция движения. Управляется со своим норовистым языком писатель мастерски, сдерживая его частыми повторами-рефренами или особым рода «топтанием» — доскональным объяснением, казалось бы, совершенно понятных деталей. И вот, что удивительно, эти приемы, которые, по идее, могли бы запросто перегрузить повествование, затруднить его восприятие, вызвать читательское раздражение, наоборот, увлекают и очаровывают какой-то особой, глубинной музыкой текущего, пластичного, слова. Так новеллы Титова обретаю все качества которых требует этот жанр — лаконизм, емкость, отточенность.

Новеллы сборника «Наконечник» центрирует фигура мудрого автора-повествователя, который с мягкой сочувственной иронией, а порой со щемящей грустью смотрит с высоты своего знания (вспомним бахтинскую концепцию о всеведующем авторе, находящемся всегда на границе создаваемого им мира) на своих «негероичных героев». Это люди, неустроенные в личной жизни, неприкаянные, выбившиеся из заведенного распорядка жизни. Их вина лишь в том, что они слишком склонны к рефлексии, «самокопанию» и особенно чутко ощущают несоответствие высокому кодексу любви, который предстает им не в виде безжизненных постулатов, но как конкретная жизненная практика со всеми ее нервами и срывами. В них «живет кто-то, кто им жить мешает» и этот «кто-то» — совесть, чуткость, честность. В основе этих новелл — даже не любовь, а именно переживание любви, переживание напряженное, требующее концентрации всех внутренних усилий. Эта коллизия априори несет в себе драматизм, ведь «все влюбленные по отношению к кому-нибудь являются обыкновенно подлыми людьми». Однако, будучи тонким психологом, Титов избегает однозначно трагического пафоса. Ведущая тональность новелл — комическая, но это юмор, ослабленный и обогащенный лиризмом и драматизмом, это смех сквозь слезы, «улыбка, которая не может скрыть боль».

Магистральную коллизию этих новелл можно определить словами героя новеллы «Древности»: «В конечном счете, все очень банально. В принципе даже скучно, если бы не боль». Но именно способность ощущать боль делает героев Титова «подлинными» людьми. Быт и бытие у Титова связаны теснейшим образом. Из самой гущи повседневности приходят к героям трагические прозрения жестокой силы обстоятельств и собственной беспомощности перед ними, заставляя героев неподготовленными: «от двух мало что значащих или вообще ничего не значащих слов» («Давнее слово упскурули») или от наблюдения битвы курицы с коршуном («Древности»). И как бы не смягчал искрометный авторский юмор и ирония этого столкновения «лоб в лоб» со своей трагедией, временами авторская усмешка исчезает совсем и остается нота чистого пронзительного страдания: в безысходном отчаянии падает на «безнадежную твердость земли» Кузнецов («Наконечник»), без вести исчезает и, скорее всего, кончает с собой Саша («Древнее слово упскурули»). Но соразмерно ли наказание вине? Почему хорошие, в сущности, люди остаются несчастными? Да потому, что любовь и боль этих людей неподдельны, а значит бескомпромиссны. Они неуклюжи и маргинальны в жизни, потому что не способны подстроиться под ее унифицирующие требования, «культы», не пользуются возможностью «плыть по течению», а доискиваются правды о себе. И в этом свете этического максимализма эти обычные люди с обычными людскими слабостями оказываются и героями, и бунтарями, и вызывают горячую симпатию автора (плохо скрытую под добродушной усмешкой) и читателя. Вообще, преодоление шаблонов, прописных истин, пустых софизмов, их проверка жизненной конкретикой составляет особый внутренний сюжет новелл Титова. Так в новелле «Филологический экзерсис» в истории Митрохина происходит индивидуальное преломление двух, казалось бы, одинаково пустых и затертых софизмов и один из них оказывается ложным, а другой — подтверждается. Любые максимы, не прошедшие горнило жизни мертворожденны, только в индивидуальной человеческой судьбе они обретают свою неповторимую значимость. Преодоление клишированности дает о себе знать и в поэтике новелл: то вдруг оживляется стертая метафора («нагаженное в душу кошками сглотнул»), то в одном ряду оказываются возвышенно-книжные штампы и нарочито-сниженные бытовизмы («груды трепетные, ноги жаркие»), рождая комическое несоответствие, то появляется достойная Зоценко имитация косноязычия. Богатство и разнообразие стилистических приемов Титова придает его языку сочность, а взгляду на мир — первозданную свежесть.

Итак, из почвы конкретной жизни прорастает нравственно-этический кодекс личности. Но и сама жизнь невоз-

можно без памяти о неких абсолютах. Память — вообще ключевая категория в художественном мире Титова: его герои постоянно что-то вспоминают, даже их профессия может иметь концептуальное значение (Кузнецов — археолог, «творец» памяти). Постоянно несут его герои память об исконном мужском начале — быть надеждой и опорой, рыцарем, защитником. Однако жизнь заметно перекраивает этот традиционный кодекс мужественности. Так, новелла «Мужчина» из цикла «Фрагменты» заставляет вспомнить о знаменитом хемингуэевском мотиве «победы в поражении», когда проявить слабость с точки зрения традиционных представлений о мужской чести и достоинстве требует большего мужества и силы воли, чем механически соответствовать этому затертому кодексу. Герой новеллы отказывается от мести за изнасилованную жену, хотя «рука бы у него не дрогнула». Однако компромисс, на который идет Петр и который причинает ему мучительные страдания, оказывается совсем ходульной бескомпромиссности, красивой только в теории да в рыцарских сагах, но непригодной для бесконечно сложной человеческой жизни. Счастье и покой своей семьи Петр оплачивает тем, что отдает свою жену другому. Пусть не в прямом смысле, как герой хемингуэевской «Фиесты» Джек Барнс, а «лишь» дает ей повод полюбить другого, но для мужчины это все равно невыносимо. Так, причиной мучений Петра становится тот самый этический максимализм, закаленный непосредственной жизненной ситуацией, о котором говорилось выше. Однако, в отличие от новелл сборника «Наконечник» здесь нет и тени юмора или иронии, только предельно обнаженный, заостренный и эмоционально концентрированный поток сознания человека, находящегося в экстремальной ситуации, требующей выбора, притом, что любой из вариантов обрекает на безысходную боль.

«Мужчина», как и новелла «Портрет» являются шедеврами титовского психологизма. Здесь он предстает в наиболее концентрированном и законченном

виде. В «Портрете» дана анатомия творческого сознания художника, с прустовской пристальностью выписан механизм воспоминания, напряженного потока цепляющихся друг за друга ассоциаций, гармонизирующих и одухотворяющих внешнюю реальность, обретающую в процессе «творения памяти» истинную ценность и целостность. В едином, пластичном процессе творчества объединяются и Наполеон, и Колчак, и 18 брюмера, и запах тюльпанов. Гармония соединения всего со всем, лежащая в основе мироздания оказывается хрупкой и гибнет от столкновения с чреватой гибельностью жизнью. Но эта гармония остается бессмертной, ибо память художника, создавшего портрет женщины переходит в память о нем этой женщины, которая «обязательно придет посидеть за его кроватью, когда начнет пахнуть тюльпанами, ведь это ее любимые цветы». Благодаря памяти жизнь оказывается неостановима, а гармония ненарушима. Память — не только гарант непрерывности бытия, но и этический критерий, проводящий границу между «подлинными» и «ненастоящими», утратившими сначала свою фамилию, а потом и память о тех, кто дал им новую и потерявших вместе с памятью человеческий облик, ставших прислужниками дьявола и убийцами. Наименования «подлинных» и «ненастоящих» по ходу новеллы «Деревня за горой» из различительных ярлыков превращаются в коренные определения состоятельности личности, выявляемой через ее отношение к памяти. Вообще в цикле «Фрагменты» наиболее явно выражает себя онтологический слой творчества Титова — установка на поиск неких универсалий бытия, на прозрение в частном — общего, в кусочке отдельной жизни сути самой Жизни, ведь «волоконно» из которого сплетаются многообразные судьбы имеет один и тот же состав, ключевым компонентом которого является память — творческая, историческая, мифологическая, метафизическая...

Особого рода мир предстает в «Старогрузинских новеллах». Замкнутое пространство нескольких кавказских деревень, отделенных от цивилизации горами, которые «раньше от турок спасали, а теперь телевизор смотреть мешают», имеет узнаваемые черты, но в то же время предстает неким Космосом, где люди живут в единстве с миром, с природой, с самими собой. Элементы фарса, буффонады, гротеска (буйволы, висащие на груше, например), проявляющие себя в этом мире, делают его еще более притягательным, ибо люди здесь живут полноправно, легко, живут «вплотную» с жизнью. Симпатична их наивность и простодушие: они буквально воспринимают слова Сталина про «локомотив истории» как угрозу железнодорожной диверсии, проверяют теорию Дарвина, пожив несколько недель в лесу и ожидая появления хвоста. Постоянно проявляют они смекалку и живость ума: так, например, ловят новоявленного разбойника Вора Безродного, пригласив его на свадьбу в дом, который по местоположению относится сразу к двум деревням. Они относятся к жизни стихийно, непосредственно. А главное — они чтут обычаи предков и несут в себе память о них: каждый отмечен каким-то «знаком», свидетельствующим о легендарном прошлом. Даже после смерти они не разрывают единство со своим домом, сгорая и смешив-

МОНОЛОГИ О ВРЕМЕНИ

ваясь с его золой («Зола наша»). Гармоничность миропорядка здесь поистине мифологична — все связано со всем, вселенная монолитна: глина, из которой рождается человек, является и «луной на том небе, где зреет вино», приобретая поистине демиургический статус. По-мифологически все вокруг людей одушевлено и одухотворено: ветхий дом «схвачен радикулитом», медведь разговаривает по-человечьи. Жизнь здесь овена атмосферой легкого, светлого, юмора — лирически трогательного, как любовь мальчика Мишико к корове Маисе, ради которой он готов даже сражаться с медведем («Медведь»). Эти новеллы учат добру и приятию жизни. Именно сами новеллы, а не автор, которому нет здесь необходимости выступать в роли мудрого повествователя и который становится одним из героев — рассказчиком, еще раз подчеркивая целостность бытия, данного в этих новеллах.

Так через мучительное самоопределение перед лицом повседневной трагедийности жизни, через мужественное принятие собственной слабости («Мужчина»), через формирование чести и памяти Титов приходит к уравниванию человека и мироздания, к нерасторжимо сплаву Быта и Бытия в едином потоке Жизни.

Проза Титова многослойна и требует внимательного филологического взгляда, гораздо более пристального, чем предпринятый в данной рецензии. «Синтетичность эмоции в прозе Титова», «Категория памяти и механизм воспроизведения воспоминаний», «Сказовое слово Титова», «Титовская мифопоэтика». «Этническая и гендерная проблематика в прозе Титова», «Язык как материал и сюжет титовской прозы», «Проблема нравственного стержня личности в прозе Титова», «Титовские чудики» — это только малая часть тех аспектов, которые могут и должны быть изучены. Остается только пожалеть о малом тираже книги...

Множество человеческих судеб — разных и похожих — открывает нам проза Арсена Титова. Но главное значение этих произведений я вижу в том, что они призывают нас к добру, стойкости, глубине познания себя и мира, ответственности за собственную жизнь и жизнь других. Эти общие, казалось бы, слова перестают быть таковыми, когда ловишь пульс титовской прозы и начинаешь понимать, как необходимо выработать в себе нравственный максимализм и соответствовать ему во всех моментах жизни — жизни в «прекрасном и яростном мире» (Платонов), жизни, трагизм которой неизбежен, но преодолели, в первую очередь, за счет внутреннего стоицизма личности. Одиночество титовских героев — одиночество сущностное, экзистенциальное и «бремя» этого одиночества оборачивается свободой — свободой быть самим собой. Титов, как любой крупный писатель, не дает прописных истин, но с потрясающей художественной деликатностью, психологическим чутьем и стилистическим изяществом позволяет нам осознать и почувствовать тяжесть и красоту жизни по законам добра, справедливости и честности — честности, прежде всего, перед самим собой. Так реализм Титова, остающийся в основных своих чертах классическим, продолжает великие гуманистические традиции русской литературы.

Константин КОМАРОВ
(Екатеринбург)

Новую книгу Сергея Прокопьева «Монологи от сердца» (том в 500 страниц) составляют повести и рассказы. Почти каждая повесть по количеству персонажей, эпизодов, сюжетных линий могла бы быть развернута в полноценный роман. Но для прозы Прокопьева характерна предельная концентрация текста. Это качество диктует автору само время. Плотность времени, как давно замечено философами, резко возрастает со «старением» человечества, и в наши дни за любой временной промежуток происходит гораздо больше событий, порой судьбоносных, чем в прежние эпохи и века, и даже недавние десятилетия. И у Прокопьева в коротком рассказе может быть дана судьба человека (и не одного, к примеру, рассказ «Мама-мачеха»). Когда на 5–7 страницах даётся ряд эпизодов, как бы «узловых точек» судьбы человека, и вся его жизнь предстаёт перед читателем, который невольно соразобничает с автором при чтении, чувствует то, что есть вне рамок текста.

Темы произведений новой книги Прокопьева вечные: любовь, война, смерть, поиски веры. Автор раскрывает их, показывая людей сегодняшнего дня. Будь то короткий рассказ или длинная повесть, каждый герой всегда в развитии. Меняется сам, невольно меняет время вокруг себя. И, повторысь, автор показывает этот процесс самым экономным способом, без псевдо философских и псевдо социологических оценочных обобщений и ни в коем случае — «не любясь своим изгибом, пробегаая мимо зеркала», как писал поэт. Все у Прокопьева даётся через человека, через события его жизни. Тем самым писатель продолжает традиции великих русских писателей: Достоевского, Чехова, Шукшина...

Жизнь героев Прокопьева полна боли, страстей, потерь и обретений, она грешна и окаянная, она дышит живой плотью, не всегда красива, но достоверна и тем самым вызывает сочувствующий отклик в сердце читателя. Он соотносит себя с персонажами книги, вырастает в их судьбу. Один из примеров тому повесть «90-й псалом» о воине-афганце, который, провёл два года войны на самом передовом рубеже. И снова и снова возвращается к листочку бумаги (на нём была записана женой молитва — псалом 90), с которым он, человек неверующий, по настоятельной просьбе любимой жены, не расставался все фронтовые годы.

Удивляет степень жизненной достоверности прозы. Мама автора этой статьи, прочитав два раза повесть, вдруг спросила: «А что, Прокопьев воевал в Афганистане?». Казалось бы, только «афганец» может вот так зафиксировать приметы военного быта, передать дух кровавой войны. Но вовсе не ради шкелотания нервов написаны жесткие сцены смертельных боёв, это делается, чтобы предельно приблизить читателя к описываемым событиям, максимально ввести в атмосферу войны, чтобы он смог вслед за писателем разделить боль и трагедию тех, кто прошёл через неё...

В своё время Владимира Высоцкого считали то лётчиком, то альпинистом, то зеком, настолько жывался поэт

в каждый свой персонаж. Подобное можно сказать о Прокопьеве. Возможно, это требует больших затрат душевных сил, даётся за столом «потом и кровью», но муки творчества не видны читателю, проза как бы написана на одном дыхании. А среди героев воин-афганец, ветеран Великой Отечественной, зек ГУЛАГа, мигрант, поехавший за счастьем в Бельгию и так далее и так далее...

Характерна в этом смысле повесть-исповедь «Везучий». От первого лица рассказывается о судьбе жителя русской Маньчжурии, репрессированного в августе 1945-го, на второй день вступления Красной Армии в Китай. Герой проходит свои круги ада, не такие, как у героев Солженицына, Шаламова, и выносит урок: бессмысленно бороться с временем, нужно уметь разделить судьбу своего народа, пусть не противиться злу насилием, но даже в нечеловеческих условиях сохранить в себе главное: достоинство, честность, любовь, надежду. Многочисленные приметы, детали лагерного быта, взаимоотношения между зеками, охранниками помогают принять точку зрения героя. Вместе с ним читатель погружается в стихию чувств, страстей, бушующих за колючей проволокой. Чудесное освобождение героя на год раньше десятилетнего срока кажется наградой за то лучшее в душе, что смог сохранить в себе он, несмотря на все ужасы пережитого.

При всём мастерстве Прокопьева достоверно и убедительно рассказывать о жизненных явлениях, его прозу нельзя отнести к бытописательству. В большинстве произведений на фоне вещей обыденных, предельно «приземлённых», проявляется второй план, линия необъяснимого, что есть в любой человеческой судьбе, что зачастую определяет её содержание. Необъяснимое прорывается сквозь бытовые подробности, возывает судьбу персонажа, придаёт повествованию пронзительное звучание.

Каждый человек несёт свой жизненный крест. Героиня повести «Крест для родителей» однажды несла через пол-Харбина, где родилась и выросла, крест для могилы родителей. И, пожалуй, всю жизнь её плечо саднило от тяжести той необычной ноши — душа рвалась к «родному пепелищу и отеческим гробам». Но не побывать в родном Харбине, покинутом в конце 50-х, не поцеловать крест на могиле родителей. И только через полвека, перед самой своей смертью, доведётся увидеть фотографию с места упокоения папы и мамы.

Должна была по планам отца и матери родиться мёртвой героиня рассказа «Нежеланная», но человек родился. Однако нарушение родителями заповеди любви исказило, сломало судьбу дочери. Причем горести и страдания выпадают не только на её долю, но и на долю её детей... Трагична судьба, но в её описании нет ни надрыда, ни слезливости, ни мелодраматизма... Нет искусственных страстей, и это чувствует читающий, душа его откликается на чужую боль, включается в то самое сотрудничество с автором, который всегда любит своих персонажей, какими бы они ни были...

Прокопьев, с его пристальным вниманием к окружающей жизни, не мог пройти мимо такого явления последних

десятилетий, как поиск веры людьми, воспитанными в духе атеизма. Библейская истина о том, что грехи родителей падут на головы детей, пронзительно звучит в рассказе «Рукомойник». Для его героя остаётся тайной судьба деда, каким-то образом попавшего в Первую империалистическую войну из Польши в Россию, воевавшего «в красных», служившего в карательных органах и всю жизнь скрывавшего своё шляхетское, происхождение даже от детей. Нарушая главную заповедь «Не убий», из страха за собственную жизнь и жизнь близких, он — как оказалось много позже — обрекал потомков на болезни, неудачи, страдания. В 30-е годы, после ночной «работы», дед героя перед завтраком тщательно, подолгу, до боли мочит руки. В чужой стране, невольник обстоятельств, перешагнувший однажды какой-то нравственный рубеж, он был страшно одинок... Через много лет после этого герой рассказа, мучимый семейной тайной, пишет стихотворение о том чуждом рукомойнике, которым дед гремел каждое утро, пытаясь что-то смыть с рук, почти как известный евангельский персонаж.

В вышеназванных произведениях персонажи лишь начинают ощущать присутствие чего-то необъяснимого, запредельного, в повестях «Сон Пресвятой Богородицы», «Монологи под образами», «Сны и явь Юлии Каменда» автор свидетельствует о следующем этапе духовного развития личности — воцерковлении — пути от атеизма к православному мироощущению. Один из наиболее мучительных таких путей — приход в Церковь с «черного хода» — через оккультизм, колдовство, магию. Столкнувшись с чёрной, запретной силой, героиня «Монологов под образами» — учительница, коммунистка — в поисках защиты для детей, семьи обращается к Богу. Профессиональный музыкант, рок-звезда районного масштаба Юлий Каменда ещё только стоит на пороге веры, но она наделена редчайшим даром пламенной молитвы, который проявляется в переломные моменты жизни. Чего только не было в бурной жизни Ксени, героини повести «Сон Пресвятой Богородицы», потомком двоюродного старовера из Тюменской области. В зрелом возрасте женщина переосмысливает прожитое, кается и сетует, что мать, человек глубоко верующий, которой явилось чудо в юности при чтении молитвы «Сон Пресвятой Богородицы», не воспитала дочь с Богом в сердце, тогда бы, может, жизнь была чище, удалось избежать многих ошибок...

Герой рассказа «Диалоги из детства» тоже в солидном возрасте приходит к горячей вере и вдруг обнаруживает её ростки в своём детстве, когда он, атеист-пионер, спорил с «дремучими, непросвещёнными» бабками. Но оказалось — простыми примерами они заронили в нём зерно веры, и оно упало не на каменистую почву...

Прокопьева всегда отличал собственный — экспрессивный, сочный язык. С годами он становится более близким к классическому варианту, не теряя при этом своей экспрессивной силы. Это хороший русский язык, соединяющий творчество Прокопьева с лучшей образцами отечественной литературы. Новая книга читается на одном дыхании, качество столь важным в наше быстро текущее время.

Эдуард КАНЯ
(Омск)

ВСЁ, ЧТО ПРИДУМАНО МНОЮ, ВСЁ, ЧТО УСПЕЮ ДОПЕТЬ...

**Юрий
КРАСИЛЬНИКОВ
(Киров)**

* * *

Всё, что придумано мною,
Всё, что успею допеть, —
Будет осенней листвою
В тёмных аллеях гореть.

Дымом прощальной страницы
Над суетою невзгод
Жизнь моя будет кружиться,
Верная, как небосвод.

Люди родные и прочие
Станут бродить не спеша
Между опавшими строчками,
Где проживала душа.

Где затихало от боли,
И отодвинуло смерть —
Всё, что придумано мною,
Всё, что хотелось допеть.

ДЕРЕВЕНЬКА

Здесь деревенька была —
Помнят ещё старики,
Тихо тоскует ветла
Около светлой реки.

Что же сегодня так жаль
Этой вчерашней судьбы?
Тянутся в синюю даль
Чёрные брёвна избы.

К нашим заблудшим сердцам
Тянутся молча они...
И начинают мерцать
Той деревеньки огни.

* * *

Целый день горит и плачет осень,
Таёт в поле золотистый дым.
Дремлет мир. Дорогу даль уносит
К облакам высоким и седым.

Приходите, приходите снова
В эту осень вовсе без причин.
Мы присядем на ковре кленовом
И о многом, многом помолчим.

**Софья
РУБАКОВА
(г. Северск
Томской области)**

ЛИЛИТ

Пробегут года — минутами,
Будет радость, будет грусть.
Позабытыми маршрутами
Я когда-нибудь вернусь.
Что не сбудется — забудется,
Потеряется в бреду.
Я пройду по старым улицам,
Я друзей своих найду.
Кто-то — здесь, а кто-то странствует —
Вдалеке растаял след.
Тот — в тюрьме, а этот — пьянствует,

А кого и вовсе нет...
И, зарю встречая алую,
В тишине могильных плит,
Я найду ее — усталую,
Бестелесную Лилит.
И спрошу: «За что, любимая,
Не жалеют нас года?
И куда, землей хранимая,
Ты исчезла — навсегда?»
А в ответ, взметнувши локоны,
Через землю и гранит,
Тихо плачет светлокая,
Бестелесная Лилит.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Железная дорога. Полночь. Лес.
И мы идем в загадочную небыль.
Из всех несуществующих чудес
Реальны только ты и звезды в небе.

Железная дорога. Полночь. Мы
Идем по занесенным снегом шпалам.
Как будто в самом сердце у зимы,
Которая весь мир заколдовала.

Железная дорога. Лес. Сосна.
Ты перед ней склоняешься в поклоне
И говоришь: «Она совсем одна
Стоит на позабытом всеми склоне»...

Железная дорога. Полночь. Тьма.
Идем, бредем — в снегу увязли ноги.
И кажется: весь этот мир — зима,
Деревья и железные дороги.

**Евгения
КОРОБКОВА
(Челябинск)**

ФЕЙЕРВЕРК

Кружит земля,
как в детстве карусель,
Раскрыл зрачок дремавший горизонт.
На кухне мама жарит карасей,
Читает папа в зале Доризо.

А комната прожарена насквозь,
А рыба грустно подлетает вверх,
А за окном вбивают в небо гвоздь,
Хохочут искры, будто фейерверк.

А стеклам квелю, стекла бьют хвостом.
Они кричат народу: «Не глазей».
А папа не читает толстый том.
Он ждет, когда нажарят карасей.

Читать стихи себе — какой резон.
Он скажет правду, он не фарисей:
Он не любил и раньше Доризо.
Он позовет друзей на карасей.

С друзьями поглядит «Чтогдекогда»,
И вместе с ними вспомнит карусель,
Которую сломали в том году,
Когда еще лежало сто дорог..
Он скажет:

«Был бы дом наш Колизей,
Мне б не мешал дурацкий потолок.

И я смотрел бы в небо целый век
На ту звезду, что жарит карасей.
И я бы подарил ей фейерверк,
И с ней кружился, будто карусель».

**Наталья СЕНН
(г. Юрга
Кемеровской
области)**

* * *

Мне нечем будет оправдаться —
Чужая пыль в суме дорожной.
Я так сейчас люблю смеяться,
Пошли мне слезы, если можно!
Как счастлив человек идущий,
Возьми меня с собой в дорогу.
Я прошагаю хоть немного —
Весь век, который мне отпущен.

* * *

Он куда-то уезжает.
Он куда-то уезжает?
Он кого-то провожает?
Или нет его совсем.
Он фантом, придумка, сказка,
Где-то ложь, а где-то чудо.
Я искать его не буду,
Он давно на поезд сел.

Он вошел в туннель вагона,
Он исчез за поворотом,
Он ступает осторожно
С неба прямо на карниз.
И когда из первых встречных
Мне его напомним кто-то,
Я, случайно заглядевшись,
Опущу ресницы вниз.

Он такой же, как другие,
Только он давно уехал.
А другие часто будут
Мимо окон проходить.
И, когда они смеются,
Грустно мне и не до смеха,
Потому, что было просто
С ним глазами говорить.

Он куда-то уезжает?
Он кого-то провожает?
А другие верят в чудо,
Дожидаются весны.
Я искать его не буду,
Он давно уже уехал.
Я брожу по переулкам
И смотрю чужие сны.

* * *

Сидит в своем домике маленьком
Из желтой травы и мха,
Обутая в серые валенки,
Душа моего стиха.
Сидит и болтает ножками,
Диктует мне свой мотив.
Я знаю, что с этой крошкой
Никак мне нельзя шутить

**Татьяна
ШАПОВАЛОВА
(Томск)**

* * *

Ночь сервирована со вкусом —
лимонной долькою луна,
и звезды — свечи,
хруст капустный
снежка под сапогами встречных,
окна

недремлющее око,
в нем силуэт твой одинокий,
и я,
спешу к тебе навстречу,
чтоб дотянуться до предплечья,
а дальше — детям до шестна...

Наутро бледная луна,
наш соглядатай, наша сводня,
не меньше нас утомлена.
Так, говоришь, придти сегодня?

* * *

Я влюблена, и я — слаба,
и я не в меру суеверна,
но я надеюсь, что судьба
подарит Пасху нам... наверно,
пошлет кулич, к нему — вина,
и час для жаркого свиданья,
когда отмолится вина,
когда не будет воздаянья,
и что с порога, в суете,
в смятенье лишних слов и жестов
сорвется прямо в душу мне:
— Христос воскрес!

И в память западет навек,
(как будто заложу страничку),
как ты протянешь мне в руке
любви пасхальное яичко...

* * *

Хорошо шагать по лужам
С фигой в штопаном кармане,
Хорошо расти ненужным,
Но красивым васильком...
Хорошо скучать по стуже,
Хорошо мечтать о муже
Беззаботным, безобманным
Летним солнечным деньком!

**Анастасия
ПОРОШИНА
(Челябинск)**

* * *

Я помню, как пьют ранним утром
из теплых рук
Высокие яблони, взятые под уздцы.
Я знаю, что где-то
зимою замкнется круг,
И будет им сниться опять молоко росы,

И будут им сниться
наездники хрупких лет,
Сдирающие сандаликами кору,
И будут мечты и сны улетать в рассвет,
И будут плакать не принятые в игру...

Я знаю многое. Жалко, что все не так,
И яблони спилены.

Но над землей светло,
И юные всадники, спрыгивая с седла,
Встречают ветер
упругим своим крылом.

**Кирилл
ШКЛЯРОВ
(Омск)**

* * *

Небо
Осторожно прикоснулось ко мне,

Но я
Уже не спал.
Я был
Несказанно счастлив,
Я был
Рядом с ним, я...
Нечаянно и сумбурно
Вскочил, предложил чаю.
Увёл через холл в кухню,
Присесть предложил
Возле стола,
А после присел рядом.

Утро было
И мы молчали.
И где-то ныл
Пустой чайник
О том, что жизнь такая...
И небо смотрело в глаза мне
И я ему.
И не было слез.

* * *
У него будет замок в Шотландии
И участок земли неприлично большой,
Чтобы свой стадион и ухоженный парк,
С протекающей мирной речкой,
Как когда-то он всем говорил.
Но это будет потом.
А сейчас «суп с котом»
У студента на съемной квартире
И не очень веселая с виду,
Но, наверное, полезная каша.

Оксана СУХОВА (Пермь)

* * *
Легонько коснуться губами щеки,
Почувствовать дрожь
твоей нежной руки,
В плечо засмеяться, уткнувшись...
И приуныть,
Вдруг проснувшись.

* * *

Пускай останется в душе
Загадкой легкое движенье...
Одно мгновенье, как виденье, —
Мы не увидимся уже.

Елена САМОЙЛИК (г. Муравленко ЯНАО)

ВЕЧЕР

У основания небес
Зияет лунная дыра,
И за границами двора
Ночной тревогой дышит лес.

Я в первых сумерках легко
Пройду за ночью по пятам,
и приберу к своим рукам
весь мир — от звёзд до светляков.

Анастасия СЕНЬКИНА (Челябинск)

ВСТУПЛЕНИЕ

Мой старый стол — мой верный друг,
Читатель постоянный,
Свидетель творческих потуг
И авторских терзаний.
Его царапин — словно ран
В душе бойца иного,
Но он — мой верный талисман
Что охраняет слово.
Его до срока сбережёт
Покуда не созреет,
Да, он скрипит, а не поёт!
Но верным быть умеет.

Наталья КУВАЕВА (Сургут)

* * *

Постояла у окна без слов,
Без тревог, без образов, без тем.
Постояла, сняв с души засов,
Постояла девочкой совсем.

Постояла, вспоминая мать
И братишки глупые мечты.
Постояла, чтобы снова встать
На свои Калиновы Мосты.

Постояла просто. Не куря.
Постояла так, как в первый раз,
Когда горло обожгла Весна
И Земля любила без прикрас,

Когда пахли волосы травой,
Когда руки помогали всем.
Постояла, побыла собой —
Девочкой, не знающей измен.

* * *

Верить тебе бессмысленно и нелепо.
Я открываю сумку и достаю «на чай».
Что наши чувства?

Всего лишь киношный слепок:
«здравствуй», «приеду завтра» и
«не скучай».

Время играет в игры. Они не новы —
выверены, просчитаны до мелочей...
Был бы к лицу тебе
плащ самого Казановы,
если бы ты до сих пор оставался ничей...

Если бы ветер трепал
золотистые пряди,
губы твои целовал на паркете моста,
я бы могла подойти и обнять сзади,

и задохнуться, и, всхлипнув,
шепнуть: «Красота...»

Только вот верить бессмысленно
и безнадежно —
Я закрываю сумку и возвращаю счёт.
Время жестоко, холодно и бесслёзно.
Плащ Казановы, детка, тебе не идёт.

Григорий ГЛУШНЁВ (Омск)

* * *

Сломаю мир, его основу,
Сбегу от логики туда,
Где потолок не равен полу,
А хлеб и вовсе не еда.

Свобода мне развяжет руки,
Я сброшу будней тяжкий крест.
Не пропаду в быту от скуки.
Ища в работе интерес.

Но если думать, жить привычно —
Искать осмысленный ответ
На все вопросы: то — логично,
Где жизни, в общем-то, и нет.

* * *

Поздняя осень, слабеющий свет
Еле живой, ни травинки не греет.
Солнца в природе как будто и нет.
Уличный градусник смело наглеет.
Страшен и гол разозлившийся лес.
Колется ветер, заточенный стужей.
Словно из добрых и тёплых сердец
Тёмная сила выходит наружу.

ПРОЩЕНИЕ

От того и прощай, говорят,
Словно время дают для прощенья.
А. Терлеева

Как же так, всё пошло на излом,
Мы разлуку с тобой допустили.
Я уехал в родительский дом.
Мы друг друга ещё не простили.

Ты меня не простила за то,
Что прощал твои злые обиды.
Я тебя не простил... Но потом
Видел: двери всё время открыты.

Прибавляя минуты к часам,
Разрешая большие сомненья,
Мы по разным сидим уголкам,
Выжидая тягучее время.

А часов замороженный взгляд,
Словно нервный клубок сожаленья...
Оттого и прощай, говорят,
Словно время дают для прощенья.

* * *

Не торопись, сначала представим,
Что любовь — это тонкая ниточка,
Завяжи её вместо кольца,
На правом безымянном пальце.
Вместе вытерпим время,
Ссоры, ревность, обиды.
И если узелок не ослабнет,
Выходи за меня замуж.

ОТ УРАЛА ДО СИБИРИ

Мария Шалыпина
(Екатеринбург)
ТРИ
РАССКАЗА

Про недалекую
девицу Машу,
которая пила чай
с прошлым

Как-то раз недалекая девица Маша проснулась от противного звука, который получается, если монотонно скрести ногтями по стеклу. Смотрит за окно — и точно: прошлое её стоит, костлявыми пальцами по стеклу елозит. Само страшное такое, полурасложилось, но еще живет зачем-то, хотя Маша его уже не раз убивала — и сжигала, и по ветру пускала и просто забывала, а оно все живет и по ночам иногда в окошко заглядывает, смущает. Не умирается ему без покаяния, и вид у него оттого сиротливый, жалостливый.

«Ну, — думает Маша, — пора с этим кончать».

Рвет она прошлое на мелкие кусочки, заталкивает в мешок, смотрит внимательно, чтобы, не дай бог, где-нибудь на полу кусочек не оставить, и идет выбрасывать его на помойку. Потом, раз уж все равно оделась, идет покупать мед, пряники и новую кружку. Ну и — домой.

Дома она заваривает чай и выкладывает пряники на тарелку. Поворачивается к окну, посмотреть, как люди на работу собираются и у кого сегодня свет в окнах раньше зажжется — в доме с синей крышей или в маленьком розовом, всего в один этаж. А за окном опять прошлое — не скребет уже ногтями, просто смотрит на нее и молчит.

«Эх, — думает Маша, — чего уж там».

Открывает она окно, запускает прошлое. Наливает заварившийся чай, себе — в новую, только что купленную кружку, прошлому — в старую, давно уже за ним закрепившуюся, с сломанной ручкой. Потом поливает пряники медом, остатки выскребает ложечкой в чай — себе и прошлому, чего уж там.

Так они и сидят, молчат, чай пьют. Это для них как бы выходной день, без воспоминаний и пустых разговоров. Да и зачем что-то вспоминать — прошлое-то вот оно.

Про недалекую
девицу Машу,
которая тосковала
по несбывшемуся

Иногда, когда над городом Непарижем гсущаются сумерки, а звезды начинают рассказывать истории для тех, кто хочет их слышать, недалекая девица Маша начинает отчаянно тосковать по несбывшемуся. В голову ей лезут мысли про мужа, детей, престижную работу и общественное одобрение. Она смотрит вокруг и понимает, что у нее есть только пара фантазий, несколько чудес и зеленая дверь. Тогда Маша бьется об пол и превращается в ворону. Недоверчиво косится то одним, то другим глазом на распахнутый зеленый проем и вылетает в форточку. Непарижское небо ласково принимает Машу в свои объятия, и она начинает плавно набирать высоту. Высота не сопротив-

ляется, а Луна напевает мелодии других миров. Сегодня Маша настроена решительно. Она вставляет в уши по паре беруш и делает особенно крутой вираж. Она летит на поиски мужа и общественного одобрения. С высоты Маша сразу видит очень много мужей. Мужья по большей части чужие, поэтому Маша пролетает мимо. Она не приехала зариться на чужое. Еще меньше ей нравится бороться за что-то сомнительное, да к тому же скроенное не по ее мерке. С высоты же Маша видит общественное одобрение. Общество одобряет много и разное. Поднявшись повыше, Маша видит, что не одобряет общество еще больше, а то, чем живет Маша, общество не одобряет особенно усиленно. Это ее огорчает. Она огорчается до тех пор, пока ее перья не прибрегают вкус полыни и, как только это случается, она видит мужа. Он совершенно ничей и Маше очень нравится. Он ей нравится не только за ничейность. Есть у него разные качества и, главное — он совершенно не чудесный. «Да, — думает Маша, — выйдя замуж за такого на редкость не чудесного мужа, я наверняка смогу получить очень много общественного одобрения». Она уже приготовилась, было, удариться об пол и превратиться обратно в девушку, чтобы осуществить свои матримониальные планы, как вдруг Луна завела на редкость пронзительную мелодию. Чудесные звуки легли Маше под крылья, пронся ее мимо нечудесного мужа прямо в открывшуюся в стене дверь. Дверь, конечно же, вела в Неизвестность. И в той Неизвестности не было ни мужей, ни одобрения. Да и общества там тоже не было. И, что самое удивительное, Маша осталась этим довольна. Да и что с нее взять, дура — она дура и есть.

Про недалекую
девицу Машу,
не умеющую ходить
на руках

Как-то раз, в городе Непариже все люди стали ходить на руках. В магазин за продуктами на руках идут, в воздухе ногами болтают. Из магазина возвращаются, на ногах пакеты развешаны, уже не поболтаешь. Детишки на руках по двору бегают, матери на руках стоят, ногами белье развешивают. По улочкам влюбленные на руках идут, ногами нежно переплетаются, пальцами шевелият, жмурятся, счастливые. Мужики с работы тоже на руках идут, ботинками вечернюю бутылку пива зажимают. А недалекая девица Маша, как ни старалась, на руках ходить не могла. То ли сноровки не хватало, то ли равновесие продавало себя первому встречному за полконфеты, но на руках у Маши ходить не получалось. Маша поначалу расстраивалась, по ночам украдкой ходила на курсы. Научилась танцевать животом, скакать на парашюте и мыть окна разноцветными тряпочками. А на руках ходить нигде не учили, потому что это — норма. А уродов переучивать — дураков нет. Потом Маша конечно же научилась ходить на руках, потому что хоть и недалекая была, но все же не до такой степени. Но к тому времени люди так привыкли считать Машу уродом, что умения свои она тщательно заворачивала в рогожу и прятала под матрац.

Спать из-за этого приходилось под кухонным столом, но чего не сделаешь, ради общественного спокойствия.

Инга Аверина
(Томск)
ЗИМНИЕ
СНЫ

Дым?

Вы, кажется, курили табак с запахом вишни. И губы ваши были сладкие этой зимой, такой сугробной, ветреной и не уютной. Не уютно. А с вами хотелось под одним одеялом... смотреть зимние сны. Но зимой они у меня какие-то тревожные. Сны от которых не высыпаетесь. Только с облегчением рассматриваете люстру на потолке и думаешь — это всего лишь сон.

Вместе?

А когда вы рядом со мной, все по-другому: любопытные официантки, понимающие хозяева съемных квартир — такие отношения. Ваше непостоянство, мое терпение. Так не бывает. Но было. Вы о чем-то говорили, наверное, любите. Не верю. Но целовать вас была рада... Сладко...

Люстра была позолоченная. Безвкусные плафоны создавали неуместную в этой комнате помпезность. С претензией на музейную старинность люстра располагала единственной лампочкой и одиноко висела, отбрасывая лунную тень по ночам. А луна блином на сквороде шипела, заглядывала в окна и иногда молчала на брудершафт с этой люстрой...

Почему?

Вы никогда не снились мне... Все что угодно, только не вы. Может это зима? В меню стояли разноцветные медведи. Медведи — это к замужеству. Красные, зеленые, оранжевые. Вроде бы должно быть страшно, но отчего-то смешно... Потом, на второе, снились полеты с балкона вниз головой, и к чаю, говорящая кошка, какая-то декоративная, но очень умная...

Когда?

Мы не встречались на выходных. Но если шел снег... Ведь за зимой обязательно придет весна, как за субботой воскресенье... За это я люблю зиму, за это ненавижу субботы...

Если бы однажды утром я проснулась поэтом, то написала бы стих про ваше отношение, которое так условно и мое такое странное, что не нуждается ни в каком смысле. А вы импровизировали рифмами — вам не было равных... Как художник. Мастерски.

Разница?

Вы, конечно же, старше... Хотя возраст не всегда опыт, а знание не всегда мудрость. Вы понимали меня... но мы никогда не просыпались вместе и не видели зимних снов чтобы сон в сон, сон в унисон.

Уходите?

Вы освободили меня своим финальным монологом. Как всегда, мастерски. Никто и никогда не посмотрит на меня так... Спасибо... Не снитесь мне никогда. И если, вдруг, вернетесь, пожалуйста, возвращайтесь таким же... Настоящим...

Вы, кажется, курили табак с запахом вишни. И губы ваши были сладкими... этой зимой...

СНЫ

КАПИТАНА

*Нас тоже сдадут в утиль,
Но путь наш был чист и светел,
Ведь когда на море штиль,
Дыханье матросов — ветер...*

Борис Бек

Жил-был Мужчина. Одинокий и без вредных привычек. Не слишком глуп, не слишком умен, просто жил себе и жил. Обыкновенно. В его отдельной квартире каждый вечер его ждал телевизор. Цветной и преданный. А вместе с ним еще поселилось Одиночество. И Мужчина жил с Одиночеством, как с родственником, к которому вроде бы давно привык, но все же мечтал разменять с ним квартиру.

Одиночество никогда не беспокоило его в рабочие дни. Оно мягкими кошачьими лапами подкрадывалось по выходным, начиная в пятницу вечером с тапочек у порога. И они вместе смотрели телевизор. Все подряд: безнадежные новости, идиотские шоу, фильмы с плохим переводом. А иногда читали книги и даже пытались утром и вечером бегать трусцой. Потом, правда, перестали, из-за аритмии и отдышки. Так и жил Мужчина круглый год со своим Одиночеством, барахтаясь последним, недоеденным, соевым огурцом в банке: с работы домой, из дома на работу...

А ночами Мужчине снилось море. Море и корабли. Такие большие и внушительные. С выбеленными корпусами, высокими мачтами, гордыми флагами...

И море принимало эти корабли, соленое, рыбное море, позволяло ходить этим огромным судам и развиваться их гордым флагам. Сны про корабли были яркие, такие смелые, такие значительные сны... Мужчина видел в них себя матросом. Он стоял на палубе одного из этих кораблей и вглядывался в море, а бескрайняя стихия уводила его взгляд к горизонту, на линию между небом и водой... Мужчине казалось, что плыл он на этом корабле долго-долго и видел много моря, разных стран, столиц, портов, проститутку...

...Потом он просыпался и лежал с открытыми глазами, думал о чем-то, наверное, мечтал, о своем, морском...

А Земля вертелась. Она поворачивалась к Солнцу разными сторонами и в тех местах, что оказывались ближе всего к светилу, получалась весна, а если еще ближе, то — лето. В это лето Земля и Солнце, похоже, что-то не поделили, потому что слишком уж было пасмурно и дождливо...

Были выходные. Мужчина, как обычно, сидел дома. Одиночество жарило ему яичницу, и они вместе смотрели телевизор, лежа на диване и набирая килограммы. Дождь все шел и не переставал.

Глазунья получилась аппетитная, но чего-то не хватало. Майонеза. Без него никак. Конечно, кусочек яичницы поваялся в горле Мужчины и нехотя провалился внутрь — было не вкусно.

Мужчина взял зонт и вышел за майонезом. Не ленивее, чем кусок съеденной яичницы, он дошел до магазина и купил две пачки майонеза про запас. Он уж было собрался идти обратно, так как Одиночество просило его не задерживаться, но остановился у витрины соседнего отдела. На стеклянных полках стояли маленькие игрушечные копии военных кораблей. Они были почти как те, большие, с выбеленными мачтами

и гордыми флагами. Мужчина стал внимательно рассматривать их, все было как настоящее, и даже застывшие фигуры матросов казались отважными и мужественными.

— Вам что-то поближе показать? — слышался голос из-за прилавка.

Мужчина поднял глаза и увидел Женщину.

— Нет, спасибо, я так вижу, — ответил он.

— Это военные корабли Британского флота. Точные копии. Девятнадцатый век, — продолжала Женщина.

— Вы знаете, как выглядят военные корабли Британского флота?

— Нет, там просто было написано на коробке...

Ее милое лицо улыбнулось. Она была прекрасна. Не мадонна, конечно, но ее прелесть была также очевидна как-то, что Джоконда — мыбра.

— А вы были когда-нибудь на море? — спросил Мужчина.

— Нет, но я про него читала.

— Как же так? Вы никогда не видели море? — Мужчине показалось это не справедливым. Он даже расстроился. Как такая прекрасная женщина и никогда не видела моря?..

— А хотите, я покажу вам море? Вы увидите горизонт, чаек, медуз, а если повезет, то и дельфинов...

— Чайки? Медузы? Я так об этом мечтала! Увидеть горизонт и морские волны, слышать голоса далеких птиц в высокоме небе... Господи, неужели все это где-то есть...

И пока еще Земля грела свои бока Солнцем, Женщина из окна своего купе уже глядела на горизонт и наблюдала, как вода бьется о волнорезы, а Мужчина смотрел на Женщину, и думал о том, что его Одиночество тактично отказалось ехать с ними. Оно, наверное, постеснялось Женщины или обиделось на что. Оно не закатывало истерик, не выясняло отношений, просто тихо исчезло. Расставание с Одиночеством Мужчину совсем не расстроило, хоть они и жили дружно. Наоборот, он стал думать, что в его отдельной квартире теперь появиться больше места...

А ведь многие люди боятся и избегают Одиночества. Они из-за этого даже заводят кошек или собак, а некоторые женятся и всю жизнь думают, что это любовь и что спать под одним одеялом теплее. Теплее... Но ведь любовь — это больше чем тридцать шесть и шесть... Поэтому настоящая любовь приходит только к тем людям, которые не избегают Одиночества и не боятся оставаться с ним с глазу на глаз.

Мужчина и Женщина целыми днями купались и лежали на песке. Песок прилипал к ним, потом быстро высыхал на солнце и осыпался. Они лежали на берегу моря, и руки их едва соприкасались... Она походила на неизвестную, удивительно красивую планету, а он — на спутник этой удивительно красивой планеты... И она нежно положила ему свою руку на ладонь. Его дыхание на миг замерло от прикосновения, от тепла ее руки и шепота:

— Спасибо тебе за море...

А когда они приехали, Женщина стала жить в отдельной квартире Мужчины. Они сошлись характерами. Тапочки. Воскресенья. Яичница. Они жили долго и счастливо. И, конечно же, у них были дети, похожие на маму и папу, на папу больше, и мама ему это простила...

А по ночам Мужчине снилось море. Море и корабли. Такие большие и внушительные с выбеленными корпусами, высокими мачтами, гордыми флагами...

И на палубе стоял капитан...

И смотрел далеко-далеко в море, и думал о чем-то, наверное, мечтал, а бескрайняя стихия вводила его взгляд к горизонту, на условную линию между небом и водой...

Инна ИГНАТКОВА (Оренбург) ТАЙГА

Сибирский лес. Метель без снегопада... И среди деревьев — пустырь. Лысая гора, поляна и река, крепко схваченная вековым льдом... Завихрения ветра где-то высоко, и ниже, сбоку, со всех сторон... Свист, похожий на гул в печной трубе забытой, пустой промёрзшей печки. Холод. Ночь. Темнота. Чернота. А в ней — только поднимающийся вихрями и стелящийся понизу широкими полосами белый снег. И ничего нет на этом жутком пустыре в окружении мертвого леса — только черное и белое, белое и черное, ночь и зима, зима и ночь, пушистая у самой земли от вздымающихся снежных завихрений, как взлохмаченная ведьма. Седая, иссиня-белая.

Каждую ночь этой тайге снился один и тот же сон... Сон-явь, сон-жизнь, жизнь, как смерть, смерть от холода — постепенно, засыпая... На ее белых помороженных щеках, привыкших к лютому ветру, серели когда-то рыжие веснушки, а может, это были прилипшие и примерзшие снежинки. И в ее стекляных глазах стояла эта картина уже какую сказочную ночь, совсем не похожую на сказку... Уже очень давно она ждала: ждала, что однажды, наконец, придет сюда ее спасение — если и не принц на белом коне, то хотя бы не старость раньше времени и в одиночестве. И пусть был ей уже за миллион лет, ни морщины не позволил вековечный мороз, хранящий молодость, как продукт в морозильнике — бесконечно долгое время. И она ждала так долго, что перестала однажды ждать. И не заметила, как перестала, и забыла, когда перестала и что вообще ждала...

Погрузившись в тяжкое забвение... Казалось ей, она лежала на мёрзлой земле с колючими вздыбами ветра и снега правым ухом — душа тайги, точно снежная королева, не имеющая никаких больше прав и смыслов, а левым — слушала завывания и стоны своих же ветров. И обветренные губы ее не шептали молитв, потому что позабыли и первую, и последнюю. Она не отличала вчера от сегодня, она не видела иных снов, кроме этого. И никогда не просыпалась. Но сегодня... Сегодня она увидела в своем монотонном сне нечто новое — знамение. Колесо.

Простое колесо, появившись из тумана пурги надземной, вылетело откуда-то сверху и, покотившись вниз с горы, выехало на равнину. Оно катилось и катилось по затверделому снегу, как призрачное видение, подпрыгивая на ухабах, разогнавшись до невероятной скорости в этом царстве оцепенения и бездействия всего остального, загребая горсти снега, подминая и разметывая его по обе стороны от себя, оставляя за собой еле заметную колею... И тут же заметал этот след буран. Душа тайги смотрела и никак не могла понять — откуда в мертвом без-

движии ее покоев появилось такое быстрое движение, от которого пышет жизнью и огнем, живое движение, совершенно иное и для этого места — нереальное.

Черное колесо продолжало катиться, сбавляя скорость, и выкатилось на реку, прямо на лед с утрамбованным и размытым ветром снегом. Изюм всех сил, качаясь, догребло оно до середины реки, все замедляя ход... Получив такой мощный импульс где-то в другом мире, оно оказалось так же неспособно долго удерживать движение в этом царстве холода и тьмы. Остановившись и покачавшись на месте, словно бы на последнем гордом издыхании полнокровной жизни, будто сделал все правильно, все, что можно было, все, что было должно сделать, оно гордо описало круг и хлопнулось о лед, вздымая вокруг брызги своих и чужих целей и стремлений... Поднялось небольшое матово-белое облачко, как последнее прости всего живого, как тихое, тщетное, но отчаянное стремление — просто существовать, просто любить, знать, слышать, видеть, надеяться, двинуться.

Снежную пыль бесстрастно тут унес ветер, распластав стелящейся над самым льдом дымчатой пеленой с разводами. Все вокруг стремилось продолжать жить так, как привыкло — и леса, и горы, и веси... Но никто уже не мог восстановить в душе все, как было раньше. Ветер выль и стлал по низу свои белесые метели, а оно лежало там — и невозможно было его не замечать! Ну просто не получалось игнорировать то, что вдруг ворвалось в монотонный холод — колесо, лежащее в снегу. Черно-го колеса в снегу...

Оно лежало одиноко, среди холодной стонущей стихии, и возлежало оно надменно и страстно, всем своим видом точно бросая вызов уже и после гибели всему бесстрастному вокруг. Лежало там... И снега не хватало, чтобы возвести над ним горку и скрыть от глаз земных, забыть и продолжать бесчинствовать. Ветер надрылся, выль, греб... Но оно — лежало там... И поныне... И... В таежной вышине за всю ночь не блеснули звезды, скрытые густыми непроглядными облаками. А утром взошедшее солнце за серой пеленой прозрачно и тускло осветило то, что было ночью. Тайга все смотрела, лежа на сугробе правым ухом, а левым слушая шумящую выть своей не унимавшейся пурги, как на поле брани, как на разбитый самолет, своими озябшими с инеем на ресницах глазами... И все еще не верила, но уже понимала, что это был не сон, иначе к утру бы видение исчезло! А оно все еще лежало там. Знамение тепла... И подняв за тысячи лет небытия свою усталую буйную когда-то голову, королева снега и льда, попрунная за свою доброту и бездействие и побежденная оцепенелой инерцией, глянула сверкнувшими глазами поверх холма, откуда оно пришло.

Ее посетило необычное и давно забытое чувство прозрения, которое не просто описать словами... Быть может, где-то рядом погиб автомобиль с людьми, и это было для кого-то скорее знамением смерти, чем жизни. Но только не для неё. Тайга всматривалась и внюхивалась в ледяной воздух, который от ее пылкого дыхания начинал греться и плавиться, в то время как на другом конце земли февральское ленивое солнце плавало грязный утопанный снег и застывший после оттепелей лед

на заплыванных и грязных автобусных остановках. Она теперь чувствовала за тридцать земель, что там шуршат и катятся по льду такие же, еще не выбитые с осей своих колеса, и везут кого-то, и живут. Везут живых... И все — от нее зависит. Даже великое оледенение!

Тайга смотрела, и взгляд ее, распротранявшийся вокруг, вдоль, вглубь и поперёк, узрел все, что было в ее царстве за это время без ее надзора. Чудеса и не только... Темные и белые дела. Страшные случайности и закономерности, ловкие уходы от судьбы и встречи лицом к лицу там, где не ждали коварства. Она видела теперь все, отчего раньше была добровольно отстранена. И теперь она была спокойна. Поэтому что видела, и собиралась всегда видеть и слышать обоими ушами во избежание искажений и кривды.

Бескрайняя тайга вскинула глаза к небу. В воздухе закружился лёгкий мягкий снежок, успокоенный теплотой ее силы, возродившей силы природы. Небо синело сквозь серь. Снег падал почти отвесно, и будто рассыпчатые лебяжьи перышки укладывались поверх наметенного за зиму и затверделого в наст... Взгляд полетел дальше: и открылась картина за картиной, день за днем, страна за страной... Душа летела над равнинами и горами, над лесами и степями, пусть это была уже не ее стихия.

...Где-то в средней полосе, где сыпал крупный влажный снег при тихой и теплой зимней погоде, по проторенной снежной дороге бежала лошадка, запряженная в сани, как в стародавние времена. Лошадка бежала рысцой. А в дровнях, как в старой сказке, ибо сказки здесь никогда не кончались, сидел старичок. Вот ноздри животного почували в воздухе нечто чужое и недоброе. Поперёк дороги лежало что-то рыжее и пушистое. Лисичка прикинулась дохлой, и ждала своего часа? За сотни лет дед, наверняка, хорошо выучил эти штучки, но на всякий случай слез с повозки. Подошел, водрузил ношу на плечи, подумал, и... швырнул в кусты! Вернулся в сани и неспешно поехал дальше. Сказочность омрачалась лишь тем, что на войне с ее естественным отбором не обходится без жертв... И вопрос не в том, будет ли возможно их избежать, а в том, какая из жертв менее страшна. И на этот раз мужичок, пришедший бы своей бабке лисью шкуру на воротник, не остался без рыбы — зверь не ожил. Лиса так и не шевельнулась, оставшись лежать за кустами, потому что действительно сдохла в том лесу и в ту самую ночь — от холода и недоедания. Говорят, когда так случается, значит, в мире что-то кардинально меняется, иначе не дохнут лисы, самые хитрые из зверей...

Ужин был сытым и добрым: уха да пироги из оставшихся запасов муки... А ведь вперде была еще добрая половина февраля! Но это уже не пугало. И опрокинув в рот чарку медовухи, дед протянул ноги к жаркой печке, крякнул от удовольствия и удовлетворенно проговорил: «Ну вот и перезимовали...».

Не став больше задерживать внимание на одном инциденте, когда вокруг было еще много беспорядков, Тайга обратилась взглядом туда, где так долго пребывала в забвении, и посмотрев на прототивевшее место, как смотрят на смятую после ночной бессонницы постель, поклялась впредь не допускать таких долгих и холодных зим...

ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Комитет Администрации Алтайского края по культуре и туризму
Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина
2–3 октября 2009 года проводят научно–практическую конференцию
IV Шукшинские чтения,

посвященные 80-летию со дня рождения В.М. Шукшина и 100-летию
Марии Сергеевны Куксиной (Шукшиной)

На Чтениях предполагается заслушать доклады, сообщения по изучению жизни и творчества В.М. Шукшина, его связям с Алтаем, роли матери в его судьбе, философским, историческим проблемам творчества писателя и кинорежиссера, а также по изучению фондовых музейных коллекций, опыта работы музеев по проведению массовых мероприятий (чтений, праздников), общественных организаций, вузов, школ по популяризации жизни и творчества В.М. Шукшина.

Для участия в Чтениях просим прислать заявку (или сообщить) о своем участии не позднее 20.06.2009 г. В заявке следует указать Ф.И.О. (полностью), должность, название организации, контактный адрес, название доклада или сообщения. По итогам конференции будет издан сборник материалов, поэтому убедительно просим текст доклада представить в оргкомитет к началу Чтений на бумажном носителе, а также в электронном варианте. Требования к тексту:

- текст в редакторе Word, кегль 12, через 1,5 интервала;
- между словами и знаками ставить только один пробел. Дополнительное форматирование не допускается;
- список литературы в конце текста в алфавитном порядке;
- к статье прилагается список сокращений, используемых в тексте.

Организационный комитет оставляет за собой право отбора и редактирования материалов. Расходы за счет командировающей организации.

Заявки на участие в Чтениях высылать по адресу: 659375 с. Сростки, Бийского района, Алтайского края, ул. Советская, 86, ВММЗ В.М. Шукшина

Электронный адрес: ssm@mail.biysk.secn.ru, факс: (3854) 76-12-85, тел.: 76-12-85 (приемная).

Оргкомитет

**Сергей Салдаев
ПАРОДИИ**

Сергей Александрович Салдаев родился в 1963 году. Член Союза российских писателей. Автор двух поэтических сборников. Стихотворные пародии на уральских и московских поэтов публиковались в газетах и журналах, в литературном альманахе «Башня». Живет в Оренбурге.

КТО Я?

*Мне неподвластны тайны мироздания,
Однако взгляд мой зорче, чем радар:
Я вижу сквозь цветенье увяданье,
А в жизни — смерть. Зачем мне этот дар?
Надежда Емельянова*

Не избежать мне горького признанья:
Я вижу сквозь глубины темных вод,
Я вижу на большие расстоянья.
Не человек — бинокль и эхолот.

И, как сказал когда-то мой учитель,
Есть у меня в запасе чудный дар,
И может даже, я — огнетушитель,
И потушить смогу любой пожар!

ПАТРИОТКА

*Зимний вечер. За окнами выюга.
Хлопьев белых летит белый рой.
Я беседе веду с давним другом
О России судьбе непростой.
Вспоминаем мы древние битвы,
И я вижу в белесых снегах,
Как варяги не раз были биты,
Как монголы бежали от нас.*

Юлия Чертова

Я живу, веселясь, не скучая,
Поделюсь, если хочешь, с тобой
По-простому, за чашкою чая
О России судьбе непростой.
Вспоминаем мы древние битвы,
Как Батый, прискакавши с ордой,
Убежал, растерявши пожитки,
Весь напуганный, рыжий и злой.
Зимний вечер. За окнами выюга.
И я вижу: в кровавых снегах
Три варяга, три брата, три друга —
Все в соплях, синяках и слезах!

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов (афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги).

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Обращаться по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12. Телефоны издательства: (343) 371-12-06, 216-11-63, 8-912-22-604-92.

E-mail: aspurizdat@mail.ru

Генеральный лицензиар ЦБ РФ №10171
ХАНТЫ-МАНСЙСКИЙ БАНК
ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

15 лет с Вами!

Перечень основных услуг

Основные услуги для юридических лиц:

- Расчетно-кассовое обслуживание
- Установка и обслуживание систем «Банк-Клиент» и «Интернет-Банк-Клиент»
- Валютно-обменные операции
- Банковские гарантии
- Торговое финансирование
- Документарные операции
- Операции с ценными бумагами
- Сквозные (осушающие) расчеты по пластиковым картам Union Card, Visa, MasterCard и другим
- Различные виды кредитования
- Финансовый и операционный лизинг
- Услуги по внешнеэкономической деятельности
- Зарплатные проекты для сотрудников организаций по пластиковым картам Visa, MasterCard и Union Card
- Специальные кредитные программы сотрудничества с организациями под руководством кредитных лиц
- Корпоративные банковские карты

Основные услуги для физических лиц:

- Кредитование физических лиц
- Фондовые операции
- Осуществление срочных денежных переводов по системам MIGOM-Югра, Western Union
- Выпуск и обслуживание банковских карт Visa, MasterCard и Union Card, в том числе социальных для пенсионеров, студентов и получателей различных пособий, кредитных карт

СМБ, с-таб-информационная депозитарная карт банка об операциях по карточкам сбережений (СКС) по заявлению клиента.

Открыта услуга «Банковская и информационная ассоциация Банка», позволяющая клиентам, клиентам партнеров, клиентам учреждений, клиентам в Ханты-Мансийском автономном округе, клиентам филиалов, клиентам партнеров и другим услугам.

Возможны депозиты с пополнением депозитов Visa Classic и MasterCard Banknet по заявлению клиента.

Перевод денежных средств со счета одной банковской карты на другую карту по системе «Югра»

- Предоставление индивидуальных банковских сейфов в аренду
- Расчетно-кассовое обслуживание (открытие текущих счетов, осуществление платежей по текущим счетам, расчеты по инкассо, аккредитивам и чекам)
- Валютно-обменные операции
- Операции с ценными бумагами
- Принимать денежные знаки в валюте РФ и иностранной валюте на экстерриторию
- Реализация драгоценных металлов и продажа ювелирных монет
- Депозитарные операции
- Банковские гарантии
- Услуги удостоверяющего центра

620012, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск
ул. Мира, 38 (34671) 90-800 www.khmb.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

- Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
- Вся верстка выполняется на платформе РС.
- Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
- Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
- Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
- Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№2(21)
МАРТ–АПРЕЛЬ 2009
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ
И ПОВОЛЖЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург:
Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения Союза
русских писателей;
Казарин Ю.В.
председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул: Колесникова Г.П.
председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Фокин В.Г.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.
председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.
председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижневартовск: Смирнов Н.П.
председатель городского содружества
писателей

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.
председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Моисеев В.Г.
председатель регионального отделения
Союза российских писателей

Пермь: Соколова Т.Ф.
председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.
председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Тюмень: Денисов Н.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России;
Кравцов А.Б.
президент Тюменской ассоциации
литераторов;
Шамсутдинов Н.М.
председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Коняев Н.И.
председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.
председатель областного отделения
Союза писателей России;
Шишов К.А.
председатель организации Союза
русских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!
Адрес для писем: 620075,
г.Екатеринбург, ул.Пушкина,12.
«Ассоциация писателей Урала».
E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.
Контактные телефоны:
(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.
Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов Тираж 999 экз.
Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Типографский Дом»,
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.
Тел. (8-3436) 42-15-32